Архимандрит ГЕОРГИЙ (Тертышников),
магистр богословия

ДУШЕПОПЕЧИТЕЛЬНАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СВЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА (Говорова) в период затвора в Вышенской пустыни

1. ПУСТЫННЫЕ ПОДВИГИ ЕПИСКОПА ФЕОФАНА

Есть люди, всецело отдающие себя внешней деятельности. Они непрестанно погружены в борьбу за свои идеалы, энергичной рукой направляют течение событий к намеченной цели. Жизненная борьба с ее треволнениями, победами и поражениями, вообще чисто практические интересы — вот сфера их деятельности. Но есть и другие люди, которые чутки ко всем проявлениям внутренней, сокровенной жизни сердца, ко всему истинно прекрасному, возвышенному, которые способны различать тончайшие оттенки нравственного настроения. Они не трубят о своей деятельности. Вглубь, а не вширь направлены их силы. Но плоды их трудов со временем оказывают могущественное воздействие на души многих и многих тысяч людей, и потому имена их живут в веках.

К числу таких глубоких натур, великих мужей духа относится и святитель Феофан Затворник, который, "как и его предшественник по времени святитель Тихон Задонский, стал великим учителем благочестия, служа людям из затворнической келлии"[1]. И если даже внешняя деятельность замечательных людей глубоко поучительна, то несравненно более — их внутренний мир: как веровал и молился, как размышлял и боролся с собою человек, наделенный богатыми духовными силами и небесными стремлениями? "Признаемся, — пишет протоиерей Михаил Хитров, — мы чувствуем трепет в душе, размышляя о попытке изобразить внутреннюю жизнь в Бозе почившего Святителя (Феофана. — *А. Г.*), и никогда не дерзнули бы на это, если бы он сам в своих дивных творениях не ввел нас во святое святых своей души"[2].

Епископ Феофан прибыл в Вышенскую пустынь в качестве ее настоятеля. По прибытии на Вышу он поселился в настоятельских покоях, а потом перешел во вновь приготовленное для него помещение. Это помещение находилось на верхнем этаже деревянного флигеля. "Преосвященный занимал верхний этаж — деревянный, а в нижнем, каменном, помещалась просфорня и две братские келлии. В числе помещавшейся здесь братии был духовник святителя Феофана, который часто призывал его к себе наверх для совета, стуча для сего палкой по полу. В середине второго этажа находился небольшой балкон"[3].

Обстановка в помещении святителя Феофана была самая простая, чуждая не только роскоши, но и обыкновенных удобств[4]. Вышенская пустынь, конечно, могла бы гораздо лучше обставить его помещение, но он решительно не хотел того. Один из Тамбовских Преосвященных[5] предложил Святителю

позволить ему сделать распоряжение об улучшении обстановки, но он не согласился, сказав, что все устроено по его личному желанию.

Суетная должность настоятеля нарушала внутренний покой епископа Феофана, и он вскоре подает новое прошение об освобождении его и от этой обязанности. Святейший Синод удовлетворил его просьбу и определением от 19/28 сентября 1866 г. постановил: "1) уволить Преосвященного епископа Феофана от управления Вышенской пустынею; 2) предоставить ему право служить, когда пожелает; 3) подчинить ему по церковно-служебной части братию Вышенской пустыни, чтобы они совершали с ним церковные службы по его назначению; 4) предоставить в его распоряжение занимаемый им флигель, обязав пустынь приспособить, ремонтировать, отоплять оный и исполнять желание епископа относительно трапезы и 5) назначить ему пенсию 1000 рублей со дня увольнения на покой от управления Владимирскою епархиею"[6].

Освободившись от забот по управлению монастырем и оставшись один, Преосвященный Феофан начал свою истинно подвижническую жизнь. Долгожданное уединение, к которому так настойчиво стремился Святитель, наконец по милости Божией пришло.

Внешняя обстановка вполне соответствовала духовным потребностям подвижника[7]. По своему внутреннему устройству Вышенская пустынь представляла собой общежительный монастырь. Устав и обычаи ее отличались большой строгостью.

Строй иноческой жизни каждой обители, по убеждению епископа Феофана, прежде всего держится настоятелем ее. "У нас по монастырю так тихо, — писал он, — что дивиться подобает. Это дело нашего аввы (архимандрита Аркадия. — *А. Г.*)[8]. Он очень молитвенен и, кажется, приял дар непрестанной молитвы"[9].

Святитель до конца своей жизни чувствовал себя вполне счастливым на Выше. "Вы меня называете счастливым. Я и чувствую себя таковым, — писал он, — и Выши своей не променяю не только на С.-Петербургскую митрополию, но и на патриаршество, если бы его восстановили у нас и меня назначили на него"[10]. "Вышу можно променять только на Царство Небесное"[11].

В первые шесть лет пребывания в Вышенской пустыни Преосвященный Феофан не уединялся окончательно. Главным занятием его в это время была молитва и богослужение. Он твердо помнил заповедь киевского старца Парфения, что одно нужнее всего: молиться и молиться непрестанно умом и сердцем Богу. Очевидец, один из иноков Вышенской обители, говорил, что Святитель "горел как свеча или неугасимая лампада пред Ликами Христа, Богоматери Заступницы и святых Божиих"[12].

Вместе с иноками обители он ходил ко всем церковным службам, а в воскресные и праздничные дни совершал литургию соборно с братией. Своим благоговейным служением епископ Феофан доставлял духовное утешение всем присутствующим в храме. Один из вышенских иноков[13], современник Святителя, впоследствии вспоминал: "Едва ли кто из нас, иноков вышенских, когда-либо слышал во святом алтаре какое стороннее слово из уст святителя Феофана, кроме последования богослужебного. И поучений он не говорил, но самое служение его пред престолом Божиим было живым поучением для всех. Бывало, среди верующего простого народа только и слышны сердечные вздохи умиления и возгласы: "Господи, помилуй!"[14]

Благоустройство и монастырская тишина действовали благотворно на душевное состояние подвижника, и он совершенно успокоился от жизненных треволнений, неизбежно связанных с деятельностью епархиального архиерея. Он охотно принимал к себе посетителей — родных и почитателей, искавших его духовных советов, вразумлений и наставлений; выходил из келлии на прогулку, а иногда, хотя весьма редко, и выезжал. В 1871 г. он совершил даже освящение храма на Екатерининском заводе и при этом произнес превосходное слово о назначении храма вообще, и в частности новосозданного.

Конечно, трудно было на первых порах совершенно отрешиться от мира и были сильны порывы к возвращению в него. Тогда-то возникла мысль снова занять кафедру. Но это было только временное, преходящее состояние — неизбежная дань обычной слабости человеческой природы перед полной победой над ней. Сознание долга скоро одержало верх, и колебания сменились настроениями совсем иного рода. При подвигах поста и молитвы и при постоянных научно-литературных трудах все это быстро прошло. По крайней мере, в 1870 г., по свидетельству одного очевидца, епископ Феофан "настолько уже свыкся со своею жизнью на Выше, как будто с малолетства там поселился"[15]. Когда в 1872 г. начальство предложило ему принять в управление Московскую епархию, а потом в том же году заседать в судном отделении Святейшего Синода, он отказался от того и от другого[16].

Как ни ограничивал Преосвященный Феофан сношения с внешним миром, и в частности прием посетителей, но все же это отвлекало его от главного дела, ради которого он пришел на Вышу. Он ясно видел, что то и другое несовместимо. И тогда явилась мысль о полном затворе, которая, впрочем, осуществилась не вдруг. На подобный подвиг нельзя было решаться без надлежащей подготовки и предварительных опытов, и последние были сделаны.

Сначала Святитель провел в строгом уединении святую Четыредесятницу, и опыт был удачным. Об этом своем решении он писал 3 марта 1873 г. одной почтенной особе в г. Тамбов: "Нынешний пост я положил не показываться людям и к себе никого не принимать"[17]. "Если Бог благословит так хорошо протерпеть до Пасхи, то и навсегда так будет. Или по крайней мере от Пасхи до Пасхи"[18]. Потом он уединился на более продолжительное время — на целый год — и после того принял приезжего инока. Последнее оказалось неудобным, и тогда уже бесповоротно был решен вопрос о полном затворе.

2. ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ СВЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА В ЗАТВОРЕ

После пасхальных дней 1872 г. епископ Феофан, раздав все свое имущество бедным, начал вести затворническую жизнь. Он прекратил всякие сношения с людьми, перестал ходить с братией на богослужение и затворился в отдельном флигеле. С этого времени он принимал к себе только настоятеля пустыни, духовника[19] игумена Тихона и келейника о. Евлампия. Со всеми другими, кто жаждал его духовного руководства, он сносился только письмами. Часто и в письмах он напоминал собирающимся посетить его в затворе: "Вы желали на Вышу. Ворота нашей обители отворены для всех; мои же двери для всех заперты. Я не могу никого принимать, и не принимаю"[20]. "Когда зароют в могилу, тогда приходи, кто хочет, и поклончик положи"[21].

Настоятель архимандрит Аркадий снабжал Святителя-затворника всем необходимым и "стремился к тому, чтобы предоставить полное спокойствие, чтобы ничто не мешало и не тревожило его. Отец архимандрит окружил Преосвященного Феофана такою любовью и вниманием, предоставил ему такие удобства, каких можно было только пожелать"[22].

К этому времени епископ Феофан устроил в своих покоях церковь во имя Богоявления, в которой служил Божественную литургию во все воскресные и праздничные дни, а в последние 11 лет — ежедневно.

Время затвора есть важнейший период, можно сказать, центр жизни Преосвященного Феофана, ибо тогда по преимуществу явились во всей силе его великие труды и подвиги, и прежде всего подвиг молитвенный. Жизнь Святителя в это время была сокровенной, невидимой для людей, а ведомой одному лишь Богу. "Мы не посвящены в уединенную жизнь епископа-затворника, хотя и можем представить, как она трудна для человека. Приняв на себя тяжелый обет затворничества, Владыка на целые десятки лет удалял себя от людей"[23].

Что побудило святителя Феофана предаться полному затвору после не-

многих лет обычного пребывания на покое в Вышенской пустыни? Без сомнения, главным побуждением служило искреннее, сознательное, выработанное долговременным опытом жизни в иноческом чине желание полного, совершенного отрешения от мира и всего, что в мире. Ободряющими же к тому для него, как епископа, примерами могли служить такие высокие образцы из истории Церкви Вселенской, как святой Исаак Сирин, а из истории Русской Церкви — столь чтимый Преосвященным Феофаном святитель Тихон Задонский.

Удалившись от мира и его сует, порвав видимое, непосредственное общение с людьми, епископ Феофан сделал это не по недостатку любви к людям, а единственно из желания оградиться от всего, что могло отвлекать его от молитвенного служения Христу[24]. Святитель-затворник стремился совершенно забыть о мирской суете. "Я бы теперь, — говорил он, — уже и все окна и двери заложил и заколотил, лишь бы ничего не слышать и не видеть, что творится там вне"[25].

В сознании Святителя затвор отождествлялся с непрестанным молитвенным подвигом. "Ибо затвор что есть? — пишет он. — То, когда ум, заключившись в сердце, стоит пред Богом в благоговеинстве и выходить из сердца или чем другим заниматься не хочет"[26].

На различных поприщах его церковно-общественного служения жизнь его была поистине хождением пред Богом. "Надо добиваться того, чтобы непрестанно ходить пред Богом, со страхом и благоговеинством. Ибо Он везде есть и во всем Своем величии"[27], — писал Преосвященный Феофан. В собственной жизни он постоянно добивался этого, памятуя наставление одного из подвижников иноческой жизни — святителя Филарета (Амфитеатрова), митрополита Киевского, данное ему вместе с другими молодыми учеными-иноками по пострижении их в монашество.

Но, не довольствуясь тем, что предоставляло ему для этого служение общественное с его разного рода отвлечениями от всецелого посвящения себя на служение Богу, на искание единого на потребу, "он сперва удалился добровольно от дел общественного служения и водворился в пустыни, чая Бога, спасающего его от малодушия и от бури, а затем, когда увидел, что при общежительных условиях иноческой жизни в пустыни Вышенской все же много препятствовало ему всецело предаться Богу и уединенно беседовать с Ним Единым, перешел к полному затвору"[28].

Живя в затворе в Вышенской пустыни, епископ Феофан испытывал на себе особое милосердие Божие, считал "Вышу жилищем Божиим, где Божий небесный воздух"[29]. Уединение для Владыки было "слаще меда"[30], и поэтому он уже частично испытывал райское блаженство в Вышенской пустыни[31]. "Правда, бывали минуты, когда и он сам допускал, и другие внушали ему мысль о возвращении к общественному служению в звании епархиального архиерея ввиду полноты сил душевных и телесных, которыми он еще обладал. Но скоро мысль о высокой цели пустынничества — о том, что и в пустынном уединении он несет особого рода службу Церкви, побеждала всякую мысль о возвращении в мир"[32].

Когда в 1876 г. из Киева поступило предложение Святителю опять вернуться на епархиальную службу, в ответном письме он выразил твердую решимость не оставлять затвор: "Ваше желание, чтоб и мне воротиться на старое, неудобоисполнимое. Ибо жизнь эта — рай"[33].

В 1879 г. святителя Феофана приглашал в Японию отец Николай Касаткин (впоследствии архиепископ Японский). "Владыка ваш[34] пишет Тамбовскому, — сообщал 24 апреля 1879 года Святитель-затворник своим почитателям, — что отец Николай Японский просит предложить Вышенскому, не согласится ли он потрудиться в Японии. Вышенский отписал Тамбовскому, что не хочет: поясница грызет. Слепому куда ехать? А потом отписал то же и Питерскому"[35].

Во время пребывания в затворе в Вышенской пустыни епископ Феофан

боролся с мыслями и желаниями о переселении в другую какую-либо обитель, считая это духовным искушением. В ответ на приглашение для жительства в Киево-Печерскую Лавру Владыка писал: "У достопочтеннейшего отца Антипы[36] прошу святых молитв о моей грешности. Речь его хорошая о том, чтобы в Лавре была архиерейская служба; но избранный ими архиереишка никуда негож, не только в святую Лавру. Желания быть покрываему и ограждаему лаврскою святынею нельзя не иметь; но на то дело я негож. Мне одно пригоже — сидеть, да если б прибавить к сему — плакать, чего окаменелое сердце мое никак не допускает"[37].

В 1873 г. епископа Феофана пригласили переехать на Святую Гору Афон. "Мне приходит в голову — поехать на Афон для перебора отечников. Если бы здесь уснуть, а там проснуться — дело. Сейчас бы махнул. А то...у! у! у! — даль какая! — Я не пячусь. За предложение пантелеимоновцев благодарствую. Но ведь туда надо направляться святым, а грешить-то и на Выше удобно. Так какая нужда переселяться. Самый лучший порядок жизни для меня тот, который теперь держу"[38].

О затворнической жизни епископа Феофана сохранилось очень мало сведений. Сами иноки Вышенской обители мало знали о ней; даже келейник, ближайший к нему человек, и тот не был посвящен в эту жизнь, являясь к Святителю только по зову и на короткое время. Однако об этом периоде жизни епископа Феофана можно составить некоторое представление частью по его письмам и произведениям, частью по свидетельству лиц, изредка видевших его, а также и по тому, что́ открылось в его келлиях после его кончины.

Порядок обыденной жизни епископа Феофана был очень прост, но соблюдался строго. Вставал Святитель очень рано. Совершив келейное правило, он шел в свою домовую церковь и там служил утреню и литургию, усердно молясь Богу о всех живых и умерших христианах. В сумочке, висевшей возле жертвенника, найдено было по смерти епископа Феофана много записок о здравии и о упокоении, которые Святитель читал на церковной службе[39].

Совершение литургии составляло важнейшую часть молитвенного подвига Святителя. Его единственный келейник, монах Евлампий, еще с вечера приготовлял ему церковное вино, просфоры и облачение. Епископ Феофан облачался в самые простые и легкие архиерейские одежды.

По словам иноков Вышенской пустыни, Святитель совершал служение всегда один; служил обычно молча, а иногда пел и читал. На вопрос одного близкого ему человека, как он служит литургию, Преосвященный Феофан отвечал: "Служу по служебнику молча, а иногда и запою"[40]. Когда же почему-либо Святитель не мог совершать обычное богослужение, он выполнял "положенное в уставе церковном известное число молитв Иисусовых"[41]. Уединенно, в сослужении с Ангелами Божиими, согласно мнению иноков вышенских, епископ Феофан совершал Божественную литургию по чину палестинских и афонских отшельников, знакомому ему опытно со времени его пребывания в составе Миссии на Востоке.

По окончании богослужения святитель Феофан возвращался из храма в свою келлию и здесь долго предавался богомыслию и умным сердечным возношениям. Умиление, которого он сподобился в церкви, не вдруг проходило и заставляло погружаться в тайны спасения и Божественного о нас смотрения.

После спасительных размышлений Святитель, подкрепив себя утренним чаем, писал свои творения. За этими трудами проходило все время до обеда, то есть до двух часов дня; за обедом в постные дни подавалась пища согласно церковному уставу, а в прочие дни последних лет жизни епископ Феофан вкушал по одному яйцу и стакану молока[42].

После обеда, несколько отдохнув, сидя на стуле, по обычаю древних восточных старцев, епископ Феофан занимался рукоделием. В 4 часа он пил

чай, а потом совершал вечернее богослужение в своей церкви и готовился к совершению литургии на следующий день. Свободное вечернее время Святитель употреблял на чтение книг и журналов, обдумывание материалов для своих творений и на умно-сердечную молитву. Совершив затем обычное келейное правило, он отходил ко сну.

Главным занятием подвижника была молитва. Ей Святитель посвящал весь день и нередко ночь. "Бывали дни и ночи, — пишет один из жизнеописателей Вышенского затворника, — когда Святитель почти все время употреблял на молитву, когда, стоя на молитве, забывал все окружающее и необходимые потребности своего существования. Бывали минуты и часы, когда архипастырь проливал слезы по поводу бедности души человека и несчастных событий в христианском мире в виде появления лжеучений и каких-либо других общественных бедствий"[43]. В одном из писем в Киев в 1891 г. он писал: "Не перестаю плакать, видя, как гибнут христианские души"[44].

Епископ Феофан постоянно предавался богомыслию и усердно призывал к нему других. "Умом своим не отступайте от Господа, — писал он в одном письме, — на молитве ли стоите или другое что делаете"[45]. Непрестанное богомыслие святитель Феофан возгревал в себе чтением главным образом книг духовного содержания. Он обладал обширной библиотекой, которую постоянно пополнял, выписывая русские и иностранные книги, на что употреблял бóльшую часть своей пенсии. Главное богатство его библиотеки составляли книги духовного содержания, но были книги и светские: исторические (например, "Всемирная история" Шлоссера, "История России" С. Соловьева и др.), философские (сочинения Канта, Гегеля, Фихте, Якоби, Кудрявцева и др.), естественнонаучные ("Курс физики" Любимова и Писарева; сочинения Дарвина, Фогта, Гумбольдта и др.), книги по медицине (главным образом по гомеопатии), анатомии, гигиене и фармакологии, а также художественная литература (сочинения Шекспира, Пушкина, Грибоедова и др.). "И книги с человеческими мудростями, — говорит епископ Феофан в одном письме, — могут питать дух. Это те, которые в природе и истории указывают нам следы премудрости, благости, правды и многопопечительного о нас промышления Божия. Бог открывает Себя в природе и истории так же, как и в слове Своем. И они суть книги Божии для тех, кто умеет читать"[46]. "Хорошо уяснить себе строение растений, животных, особенно человека, и законы жизни, в них проявляющиеся. Великая во всем премудрость Божия... А повести и романы?! Есть и между ними хорошие"[47]. Он знал несколько иностранных языков, и его библиотека более чем наполовину состояла из иностранных книг. Все эти книги были более и менее часто употребляемы им, некоторые же в постоянном употреблении. Самая внешность книг указывала на это. Многие из них имели на полях различные пометки святителя Феофана, сделанные карандашом. Библиотека, которой владел святитель Феофан, "показывает, что он — человек науки. В своей келлии он имел одну из самых больших в то время частных библиотек в России"[48].

В своем известном труде "Путь ко спасению" Преосвященный Феофан обнаруживает основательные познания в физиологии, а в других творениях — познания по многим другим естественным наукам, не говоря о познаниях по гражданской истории и иным светским наукам (географии, математике)[49]. В келлиях Святителя после его кончины нашли и учебные пособия, относящиеся к светским наукам: телескоп, два микроскопа, фотоаппарат, анатомический атлас, шесть атласов по географии и истории общей, церковной и библейской[50]. Очевидно, очень много времени и труда посвящено было святителем Феофаном на чтение и изучение книг духовного и светского характера.

В богослужении и молитве, в подвигах телесных и духовных проходила большая часть затворнической жизни Святителя.

3. ОБЗОР ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРУДОВ ЕПИСКОПА ФЕОФАНА

Велик был и подвиг духовно-литературного творчества епископа Феофана. Ему, по собственному его выражению, нередко "денно-нощно" приходилось сидеть за своими учеными занятиями. Святитель изучал огромное количество литературы на русском и иностранных языках. Все прочитанное он критически осмысливал, молитвенно переживал, вынашивал, а лучшее впитывал в себя; в результате из-под пера его выходили творения, равными которым по разнообразию тематики и глубине освещения вопроса были лишь немногие.

В реализации своих писательских способностей святитель Феофан видел свой духовный путь и служение Церкви Божией. Так, он говорит об этом в одном из писем: "Писать — это служба Церкви или нет?! Если служба, — подручная, а между тем Церкви нужная; то на что же искать или желать другой?"[51].

Талант духовного писателя с особой силой развился у Преосвященного Феофана во время пребывания его в Вышенской пустыни. "Затвор дал возможность Вышенскому затворнику стать глубочайшим христианским психологом и знаменитым христианским богословом. Он дал ему возможность поделиться плодами своей мудрости, своих знаний с другими, оставив после себя богатейшее учено-литературное наследие, благодаря которому имя его никогда не умрет в русском обществе"[52].

За время пребывания на Выше святителем Феофаном было создано столько духовных произведений, что перечень их занял бы не один десяток страниц. Укажем только наиболее важные из них.

В 1867 г. в "Тамбовских епархиальных ведомостях" впервые увидели свет его сочинения "О совершенном обращении к Богу от прелестей мира и греха"[53]; "Некоторые предостережения православным христианам"[54], куда вошла часть проповедей, произнесенных Преосвященным Феофаном в Тамбове и во Владимире. В том же году появляется статья полемического характера под заглавием "Душа и Ангел — не тело, а дух"[55], написанная в ответ на брошюру известного подвижника и духовного писателя Русской Церкви святителя Игнатия (Брянчанинова) "Слово о смерти и прибавление к сему слову". В этом произведении епископ Феофан на основании слова Божия, святоотеческих писаний и доводов разума доказывает мысль о совершенной бестелесности, чистой духовности естества Ангелов и души человеческой.

В 1868 г. издан основной труд епископа Феофана — "Путь ко спасению (Краткий очерк аскетики)"[56]. Это самое известное из всех его сочинений. В основу его положены лекции по Нравственному богословию в С.-Петербургской Духовной Академии. Первоначально работа публиковалась частями в "Домашней беседе" под заглавиями "Покаяние и обращение грешника к Богу"[57] и "Порядок богоугодной жизни"[58]. В этом труде излагается вся сущность нравственного учения святителя Феофана, как сам он говорил: "Здесь всё, что мною писалось, пишется и будет писаться"[59]. В нем автор изображает весь путь христианской жизни, всю жизнь христианина во всех ее степенях и проявлениях и, кроме того, дает руководственные правила христианской жизни. "Правила эти берут человека на распутьях греха, проводят огненным путем очищения и возводят его пред Лицем Бога, то есть до возможной для человека степени совершенства, в меру возраста исполнения Христова"[60]. Эта книга, рассматривая проблемы христианской жизни с практической стороны, указывает пути к реализации христианских идеалов. Она принесла святителю Феофану большую популярность.

В том же году епископ Феофан издает сборник, состоящий их 50 проповедей, произнесенных им во время служения в Тамбовской и Владимирской епархиях. Сборник назывался "О Покаянии, Причащении Святых Христовых Таин и исправлении жизни. Слова во святую Четыредесятницу и приготовительные к ней недели". "Предлагаемые слова, — пишет автор в

предисловии, — отобраны и издаются в сем составе с тою целью, чтоб говеющим доставить приспособленное к их настроению и потребностям духовным чтение, а пастырям, ревнующим о назидании говеющих, дать возможность всегда под руками иметь, что́ предложить с церковной кафедры"[61]. В том же году в "Домашней беседе" была напечатана статья святителя Феофана нравоучительного характера под заглавием "Совесть"[62].

В 1869 г. епископ Феофан по просьбе владимирцев издает "Слова к Владимирской пастве" и "Тридцать третий псалом", вышедший сначала под заглавием "Поучительные и изъяснительные заметки на 33-й псалом"[63]. Последнее сочинение по своему характеру представляет собой духовно-назидательное толкование.

В Петербургском духовном журнале "Странник" в 1869 г. были опубликованы статьи епископа Феофана "Обетование Господне оставляющим всё Царствия ради Небесного" и "Притча о неправедном приставнике", которые были изданы афонскими иноками в виде отдельной брошюры под заглавием "Разрешение недоумений при чтении притчи о неправедном приставнике и обетование тем, кои всё оставляют ради Царствия Христова" (М., 1893. 52 с.).

В "Домашней беседе", журнале, с которым епископ Феофан завязал самые тесные контакты в этот период, были напечатаны также "Пояснительные статьи к трактату "Порядок богоугодной жизни"[64]. При первом выходе в свет они возбудили в публике живейший интерес, породили глубокое уважение к автору, удивили всех силой его духовного опыта, умением анализировать психологические явления. Эти статьи вызвали множество письменных выражений благодарности автору за поднятые им проблемы.

С 1869 г. в том же журнале началось печатание отдельных мыслей, или афоризмов, святителя Феофана. Эти афоризмы продолжали печататься и в 1870 г. (С 1871 г. они приняли форму размышлений на каждый день года, соответственно церковным чтениям из книг Священного Писания). В примечании к одному из первых этих афоризмов — "Альфа и Омега"— редактор-издатель "Домашней беседы" пишет: "Благодаря высокому вниманию Преосвященного Феофана к нашему журналу мы с настоящего выпуска будем помещать его многодумные, духовно-созерцательные афоризмы. Это будет непрерывный ряд размышлений, по-видимому, одиночных, но имеющих тесную связь между собою"[65]. "Мысли на каждый день года" имели важное назидательное значение[66].

В 1870 г. в "Домашней беседе" печатались "Письма о духовной жизни"[67]. Они дают "подлинный очерк духовной жизни, проводимой в многотрудной борьбе со страстями ради чистоты сердца и стремления к Господу"[68]. И действительно, читатель находит здесь глубоко осмысленное изложение явлений и фактов духовной жизни, начиная с первых благодатных движений христианского сердца к богообщению и кончая высшим нравственным совершенством человека.

"Письма, — по словам епископа Феофана, — направлены к тому, чтобы способствовать утверждению ума в сердце вниманием к Господу и молитвенным расположением. Ибо к труду молитвенному надо подобрать и чтение таких книг или статей, в коих говорится все о молитве и молитвенных настроениях"[69]. Там же напечатано его исследование "Уроки из деяний и словес Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа"[70]. Это — размышления святителя Феофана о Евангельской истории.

В следующем, 1871 г. Преосвященный Феофан продолжил печатание своего исследования по Евангельской истории, теперь уже под названием "Указания, по которым всякий сам для себя может составить из четырех Евангелий одну последовательную историю Евангельскую с наглядным контекстом ее"[71]. К концу статьи приложен план Евангельской истории в четырех параллельных столбцах.

С 1871 г. в "Домашней беседе" началось печатание еще более кратких и

отрывочных, но весьма метких и остроумных изречений. Эти "апофегмы", как их назвал святитель Феофан, вошли в состав сочинения "Краткие мысли на каждый день года, расположенные по числам месяцев"[72].

В 1871 г. в "Тамбовских епархиальных ведомостях" (№ 9–10) помещена статья епископа Феофана "Шестопсалмие", в которой подобно тому, как он толковал 33-й псалом, изъясняются псалмы, читаемые на утрени. Одновременно в С.-Петербурге вышла книга "Востани, спяй, и воскресни от мертвых, и осветит тя Христос (Еф. 5, 14). Собрание святоотеческих писаний, направленных к пробуждению человека от сна греховного для бодрствования о Христе". Главное место в ней занимают творения святителя Тихона Задонского, а также извлечения из творений святых отцов и учителей Церкви: Ефрема Сирина, Иоанна Златоуста, Василия Великого и др. Весь сборник направлен на то, чтобы изобразить несчастное состояние грешника, вразумить его и обратить на путь правый.

Дальнейшая учено-литературная деятельность святителя Феофана сводится почти исключительно к изъяснению Священного Писания и к переводу святоотеческих творений. Его основные труды толковательного характера стали выходить начиная с 1872 г. Глубокое убеждение в жизненной силе откровенного учения дало возможность Преосвященному Феофану обосновать на нем свои важнейшие нравоучительные взгляды. Главным делом своей литературной деятельности он считал решение вопроса о спасении. Затрагивая эту проблему, он старался основываться в большинстве случаев на слове Божием как на самой надежной опоре и высшем авторитете.

Истолковательные труды святителя Феофана по своему характеру особенно близко подходят к толкованиям святого Иоанна Златоуста. Они отличаются глубиной, основательностью, полнотой, замечательной точностью и ясностью изложения. В них находится не только все нужное для полного и ясного понимания священного текста, но вместе с тем и разъяснение множества разного рода догматических, в особенности же нравственных, истин и вопросов, например: о грехе и зле, о нашем искуплении и оправдании во Христе Иисусе, о соотношении благодати Божией и человеческой свободы, о предопределении и др.

В "Тамбовских епархиальных ведомостях" за 1872 г. (№ 7–12) была начата публикация толкования Посланий апостола Павла под заглавием "Беседовательное толкование первого Послания святого апостола Павла к Солунянам" и закончена в следующем году (№ 1–9)[73].

В 1873 г. в "Душеполезном чтении" было напечатано "Беседовательное толкование второго Послания святого апостола Павла к Солунянам"[74] и начато "Толкование Послания святого апостола Павла к Галатам", публикация которого была закончена в 1875 г.[75]

В "Чтениях в Обществе любителей духовного просвещения" за 1874 г. было опубликовано "Толкование Послания святого апостола Павла к Ефесянам"[76].

В этот же период у Преосвященного Феофана появляется намерение написать толкование на 118-й псалом. "Псалом стоосьмнадцатый, истолкованный епископом Феофаном", начал печататься в "Домашней беседе" с 1874 г.[77] "Богатство псалма сего, – пишет автор, – расположило нас посвятить размышлению о нем достойное время и, что Бог пошлет, предложить то вниманию богобоязненных и ревнующих о спасении своем христиан, в той уверенности, что это хоть какую-нибудь принесет им пользу. Предлагая, однако ж, наши размышления, долгом считаем заявить, что тут мало что будет своего. Все будет заимствовано у святых отцов и учителей Церкви, потрудившихся в толковании сего псалма"[78]. "Тут сокращенно все отцы и всё учение о духовной жизни"[79]. Это замечательное сочинение святителя Феофана было переиздано несколько раз.

В 1875 г. в "Тамбовских епархиальных ведомостях" (№ 1–15) напечатано "Толкование Послания святого апостола Павла к Филиппийцам", в "Душе-

полезном чтении" начато печатание "Толкования первого Послания святого апостола Павла к Коринфянам"[80], а в 1877 г. — второго Послания[81].

В письмах Преосвященного Феофана 70-х годов постоянно сообщается об усиленной его работе над комментариями к Посланиям апостола Павла[82].

В 1879 г. были изданы "Толкование Послания святого апостола Павла к Римлянам", в начале 1880 г. — "Толкование Посланий святого апостола Павла к Колоссянам и к Филимону"[83], "Введение в Толкование пастырских посланий святого апостола Павла"[84] и "Толкование Послания святого апостола Павла к Титу"[85].

В 1881 г. в "Душеполезном чтении" публикуется "Толкование первого Послания святого апостола Павла к Тимофею"[86], а в 1882 г. в том же журнале печатается "Толкование второго Послания святого апостола Павла к Тимофею"[87]. "Толкование на Послание святого апостола Павла к Евреям" епископ Феофан начал было печатать в "Душеполезном чтении"[88], но не окончил его[89]. Об этом сообщает Святитель 27 января 1886 г. в одном из писем: "Толкование Послания к Евреям остается недоделанным"[90].

Преосвященный Феофан имел желание написать толкование на все Священное Писание. "Священное Писание у нас совсем нетронуто, — писал Владыка протоиерею Михаилу Хераскову. — Иностранные толкования, как они есть, негожи. Надо самим обдумывать и переделывать. Я и хотел бы заниматься этим предметом и занимаюсь... Но увы! как тяжело"[91].

Вначале у епископа Феофана было намерение начать толкование на Новый Завет. "О Евангелиях. — Я все прилаживался, что и как лучше"[92]. "Когда бы весь Новый Завет перетолковать... вот было бы хорошо-то! Но не мне, ленивцу, это загадывать и надеяться исполнить. Кое-что кропаю"[93].

17 июля 1884 г. святитель Феофан уже сообщал своим почитателям об окончании труда, который вышел в свет отдельным изданием только в 1885 г. под заглавием "Евангельская история о Боге Сыне, воплотившемся нашего ради спасения, в последовательном порядке, изложенная словами святых евангелистов"[94]. Этот труд представляет собою обстоятельный опыт сопоставления сказаний четырех евангелистов и изложение событий евангельской истории в последовательном порядке. Он является дополнением к сочинению епископа Феофана "Указания, по которым всякий сам для себя может составить из четырех Евангелий одну последовательную историю евангельскую", изданному еще в 1871 г.

В 1873 г. Преосвященным Феофаном были начаты исследование и перевод святоотеческих творений. Епископ Феофан превосходно знал греческий язык и потому переводил свободно. Его переводы отличались легкостью и общедоступностью, притом они сопровождались дополнениями и разъяснениями. К числу таких переводов относятся жизнеописания святых подвижников, творения которых или извлечения из них он переводил и делал некоторые пояснительные примечания.

В "Тамбовских епархиальных ведомостях" были опубликованы "Несколько слов о жизни и писаниях святого Антония"[95], вошедшие впоследствии в первый том "Добротолюбия".

В 1874 г. было издано в Тамбове переводное сочинение "Святого отца нашего Максима Исповедника слово подвижническое в вопросах и ответах". "Сижу над Максимом Исповедником, — сообщает епископ Феофан в одном из писем. — Великий он созерцатель! И не всегда досягаешь до его высоты и проникаешь его глубины. И речь у него... всегда полная и многообъятная. А иной раз сжата"[96].

Одновременно Святителем был составлен сборник "Псалтирь, или богомысленные размышления святого отца нашего Ефрема Сирина". Еще 5 сентября 1873 г. епископ Феофан писал протоиерею В. П. Нечаеву: "По поводу вашего вопроса о темноте многочитаемого в церкви пришло мне на мысль выбрать из святого Ефрема Сирина псалтирь. Нашлось 150 статей — больше молитвенных, несколько нравоучительных и догматических... хорошо читает-

ся, иногда и очи ума продирает. Какой это был вопиющий святой отец! Настоящий христианский Давид"[97].

К переводным сочинениям этих лет относится напечатанное во "Владимирских епархиальных ведомостях" за 1874 г. (№ 9–10) "Слово Феолипта, митрополита Филадельфийского", в котором выясняется сокровенное во Христе делание и показывается вкратце, в чем состоит главное дело монашеского чина.

В различных журналах этих лет помещается целый ряд статей: "По поводу изданий священных книг Ветхого Завета в русском переводе"[98], "Библия по переводу семидесяти толковников есть законная Библия"[99]; "Какого текста Ветхозаветных Писаний надо держаться"[100]; "О мере православного употребления нынешнего текста по указанию церковной практики"[101]. В этих статьях епископ Феофан выступал против того исключительного значения, которое придавали в те годы опубликованному по благословению Святейшего Синода еврейскому масоретскому тексту по сравнению с традиционным греческим переводом семидесяти толковников. Святитель настойчиво проводит мысль о том, что, согласно многовековой практике Православной Греко-восточной Церкви, нужно отдавать решительное предпочтение переводу семидесяти перед масоретским текстом и смотреть на последний как на временное и скоропреходящее явление в церковной жизни нашего Отечества.

С 1875 г. епископ Феофан начинает составлять "Добротолюбие" — этот замечательный труд, потребовавший для своего составления и издания 15 лет.

Летом 1875 г. в Москву прибыли афонские иноки, а Преосвященный Феофан приготовил им весь первый том "Добротолюбия", дал обстоятельные указания относительно печатания его и даже относительно заглавия[102]. Первый том "Добротолюбия" вышел из печати в 1877 г. "иждивением Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря". "Предлагая любителям духовного чтения известное всем "Добротолюбие" в русском переводе с прибавлением к оному, — писал святитель Феофан, — долгом считаем сказать несколько слов о том, что такое есть "Добротолюбие". Оно содержит в себе истолкование сокровенной о Господе Иисусе Христе жизни"[103]. Добротолюбие есть "собрание святоотеческих писаний о подвижничестве и духовной жизни вообще — в более полном составе"[104].

В том же году в "Тамбовских епархиальных ведомостях" Святитель начал публиковать "Святоотеческие наставления о трезвении и молитве"[105], представляющие собой выборку из "Добротолюбия". К собранию наставлений о трезвении и молитве присоединено и святоотеческое истолкование Молитвы Господней[106]. "Сборничек о трезвении и молитве, — писал Владыка, — есть сокращенное "Добротолюбие"[107].

В это же время Преосвященный Феофан берется за перевод творения преподобного Симеона Нового Богослова. "А Симеона-то Нового Богослова переводить надо?! — пишет он 28 апреля 1877 г. — По строчке перевожу. Какой он строгий. Но премудрости духовной у него бездна"[108]. "Душеполезное чтение" в 1877 г. взялось за публикацию "Слов преподобного и богоносного отца нашего Симеона Нового Богослова"[109], переведенных епископом Феофаном с новогреческого. Святитель Феофан давал всегда высокую оценку этим творениям и часто рекомендовал их читать своим духовным чадам. "Симеон Новый Богослов — сокровище неоцененное. Сильнее всех он внушает ревность о внутренней благодатной жизни"[110].

1877 г. Преосвященный Феофан приготовил к печати сочинение в письмах "Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться?" В этих письмах, как и в "Пути ко спасению", решается главным образом вопрос о том, как человек может отвратиться от греха и обратиться на путь спасения. Сочинение было издано в 1878 г.[111] иноками Афонского Пантелеимонова монастыря. "Письма, — сообщал святитель Феофан, — писаны к красавице и изображают

дело духовной жизни в настоящем виде"[112]. "Некоторые только прибавлены для полноты, и некоторые перетушеваны. Но фон действительный"[113].

В 1880 г. в "Душеполезном чтении" начали печататься "Письма к одному лицу в С.-Петербург по поводу появления там нового учителя веры"[114]. Письма эти направлены против Пашкова и его последователей, а также против лорда Редстока, с учением которого были связаны пашковцы.

В том же, 1880 г. в "Душеполезном чтении" начали издаваться "Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни"[115]. Об этих письмах[116] сам святитель Феофан 21 октября 1892 г. писал: "Письма к разным лицам только до 30 таковы, а потом пошли все к одной особе образованной, энергичной, мудрой и верующей от всего сердца"[117].

Однако главная работа в этот период была посвящена "Добротолюбию". 28 января 1884 г. епископ Феофан закончил работу над вторым томом "Добротолюбия". Сам Святитель говорил, что эта книга, изданная афонскими иноками, будет иметь важное значение для духовной жизни христианина[118]. "Здесь говорится все о борьбе со страстями, — пишет он в одном письме, — что́ крайне нужно добре знать подвизающемуся. Читайте и замечайте признаки, в каких являются страсти. Потом по сим указаниям себя обсуждайте и исправляйте"[119].

В январе 1885 г. святитель Феофан по просьбе афонских старцев начинает перевод "Невидимой брани" Никодима Святогорца[120], а в конце этого года сообщает о завершении работы. Многие главы Святителю пришлось составить заново[121]. Он полагал, что книга была написана католическим писателем, "а католики об умной молитве и иных вещах подвижнических иначе от нас судят. Старец Никодим поправил, но не все. Я докончил поправку"[122]. Эту книгу святитель Феофан не раз рекомендовал в качестве руководства для духовной жизни всем ищущим спасения. "Посылаю вам "Невидимую брань". Хоть это заглавие пахнет монашеством, но вы встретите здесь все почти так представленным, что от советов сих никому отказываться не следует"[123].

В 1886 г. Преосвященный Феофан начал готовить материал для третьего тома "Добротолюбия". Работа над этим томом осложнилась ухудшением здоровья Владыки. 15 мая 1887 г. он писал: "Старость ослабляет силы или отупляет. Я не могу уже писать вечером, и утром до трех часов не дотягиваю. Ломота в голове показывается. Вечером кое-что идет. Кончаю 3-й том "Добротолюбия". Занимает Феодор Студит"[124]. Третий том "Добротолюбия" был окончен и издан только в 1888 г.

Еще в 1884 г. Преосвященный Феофан начал разыскивать рукописи творений преподобного Феодора Студита, которые впоследствии вошли в четвертый том "Добротолюбия". В 1887 г. Владыка писал: "Я делаю выборку наставлений монахам из поучений святого Феодора Студита. Перевожу его катихизисы большой и малый, в коих до 400 поучений". "Святой Феодор на высоту почти не заходит, а ходит по монастырю... на всякую мелочь дает урок, одухотворяет ее"[125]. "Это будет единственное наставление для монахов, преимущественно о монастырской жизни. Высот монашеской жизни касается только в общих чертах"[126].

Четвертый том "Добротолюбия" был издан в 1889 г.[127]

Во время работы над "Добротолюбием" епископ Феофан ограничил чтение журналов. "Церковного вестника" не выписываю, — сообщал он Н. В. Елагину, — потому что нынешний год ничего не выписываю и читать не намерен. Надо кончить "Добротолюбие"[128].

Перевод пятого тома отнял у Святителя несколько лет, и, как только он был подготовлен к печати, на следующий год он был издан афонскими иноками[129]. "Книга "Добротолюбия" 5-я вся обращена на внутреннюю жизнь. И хоть преимущественно имеет в виду отшельников, но к ним, собственно, относятся только внешние порядки, внутренняя же жизнь, там

изображенная, ко всем вообще пригодна"[130]. "Это последний и, как таковой, содержит верхние стадии духовной жизни. Верхи сии и прежде показываемы были в первых книгах. Но тут вся дорога прописывается систематически. Эта книга с четвертою вдвоем содержат все потребное в деле подвижничества"[131].

В 1890 г. епископ Феофан начал переработку "Писем о христианской жизни". "Только на днях, — писал он, — растребушил "Письма о христианской жизни", из коих будет три книги, каждая со своим названием"[132]. Из "Писем о христианской жизни" в 1891 г. были изданы книги под следующими названиями: "Письма о христианской жизни" (М., 1891); "Сборник аскетических писаний, извлеченных из патериков обители святого Саввы Освященного, что близ Иерусалима (М., 1891)[133]; "Начертание христианского нравоучения" (1-е изд. М., 1891).

В рецензии Учебного комитета на последнюю книгу говорилось: "Недавно богословская литература наша обогатилась новым произведением известного нашего экзегета и моралиста Преосвященного епископа Феофана под названием: "Начертание христианского нравоучения". Скудость богословской литературы нашей, особенно учебной, по части нравоучения христианского давно сознавалась многими, и потому появление в печати названного труда будет приветствовано любителями богословской науки с особенной радостью"[134].

Современники епископа Феофана высоко оценили это издание: "Начертание" не уступает лучшим современным курсам Нравственного богословия, а приведением руководственных указаний из аскетических писаний, житий святых и песнопений православного христианского богослужения, прославляющих добродетель, так же как обилием опытов духовной жизни, пережитых самим писавшим, — строгим подвижником, даже значительно превосходит их"[135].

В 1891 г. епископ Феофан стал готовить к печати материал для книги "Древние иноческие уставы". В августе 1892 г. он сообщал, что уже "кончил смотр опечаток в Уставах. Месяц-другой, и они выйдут в свет Божий"[136].

В том же году "Древние иноческие уставы преподобного Пахомия, святого Василия Великого, преподобных Кассиана и Венедикта"[137] были изданы афонскими иноками. Эта книга предназначалась, по мысли Преосвященного Феофана, для русского иночества. "Имею удовольствие, — писал он 30 ноября 1892 г. редактору "Церковных ведомостей", — препроводить вам Древние иноческие уставы и покорно прошу принять их для вашей собственной библиотеки. При труде приятною утешался надеждою, что наше иночество с радостью встретит эту книгу, увидев, что в общем она очень сходна с древнеустановленными порядками иноческой жизни, и воодушевится ревностью не отставать от первоначальных отцов, и поспешит дополнить в себе недостающее и поправить, сколько возможно, неправое"[138]. Наставления древних отцов, содержащиеся в этой книге, по словам епископа Феофана, полезны и для мирян. "Тут и мирянам можно пользоваться, — говорит он, — именно там, где идет дело о внутренней жизни, которая везде одинакова, несмотря на разность внешних порядков жизни"[139].

В одном из писем редактору "Церковного вестника" (от 30 ноября 1892 г.) Владыка писал, что "Древние иноческие уставы" — это его последняя книга, и сообщал, что многое из задуманного им вначале останется неисполненным[140]. То, что печаталось Преосвященным Феофаном в 1893 и 1894 гг. (до его кончины), было повторением написанного им прежде. Некоторые сочинения Святителя, хранившиеся в рукописях, были изданы после его кончины[141].

На протяжении всей своей духовно-литературной деятельности епископ Феофан печатался в наиболее крупных и популярных периодических изданиях того времени: "Тамбовских епархиальных ведомостях", "Владимирских епархиальных ведомостях", "Домашней беседе", "Страннике", "Душеполез-

ном чтении", "Душеполезном собеседнике", "Чтениях в Обществе любителей духовного просвещения" и других духовных журналах Русской Православной Церкви. Он публиковал свои сочинения также отдельными книгами и брошюрами при содействии таких издателей, как его племянник А. Г. Говоров и иноки Афонского Пантелеимонова монастыря.

Епископ Феофан был абсолютно бескорыстным человеком и служил образцом христианской нестяжательности. Он не только ничего для себя не приобретал, но все имеющееся у него отдавал. Сочинения Святителя еще при жизни его имели успех; некоторые их них выдержали по нескольку изданий и могли бы доставить ему значительный капитал, но он не получал за них ничего, а в конце жизни отдал все свои авторские права Афонскому Пантелеимонову монастырю. За свои литературные труды он не брал никакого вознаграждения, кроме известного количества экземпляров, которые предназначались для безвозмездной раздачи. В одном из писем к присяжному поверенному в Задонске Митрофану Корягину Святитель на вопрос о вознаграждении за присланную книгу отвечал, что ему ничего не нужно, кроме одного: "Положите поклон о многогрешном писателе; вот и всё, что можно вам сделать"[142]. В письмах епископа Феофана постоянно встречаются сведения о рассылке своих книг корреспондентам. Владыка Феофан заботился о том, чтобы цена его книг была необременительна для покупателей. "Мне деньги совсем не нужны, — писал он Н. В. Елагину. — Лишь бы издание было подешевле — и потому порасхоже, т. е. чтобы шире разошлось"[143].

Из своего тихого затвора на Выше смиренный архипастырь неутомимо разливал благодатный свет истины Христовой, и сколько душ, жаждущих этого света, этой благодатной истины, напоены его словом, воистину благодатным!

Глубокий, пытливый, желавший довести все понятия до полной ясности, строгий и отточенный ум святителя Феофана никогда не стремился к схоластике, но всегда сохранял самобытность. Святитель отличался простотою, естественностью, ясностью как в постановке дела, так и в изложении мысли, что делало его богословские сочинения доступными самым разным слоям общества. При этом весьма живое воображение в сочетании с обширной начитанностью, зоркою наблюдательностью и огромным опытом доставляло ему богатство образов, живость и наглядность их даже в тех случаях, когда речь шла о самых отвлеченных понятиях.

Всякий, кто знаком с сочинениями епископа Феофана, не мог не почувствовать их притягательной силы, искренности и правды. Все, что в них высказано, было автором пережито, выстрадано, приобретено огромными усилиями, в каждой фразе запечатлен внутренний опыт, духовный подвиг Святителя. Отсюда — привлекательность его творений, их непосредственное воздействие на душу читателя. Нередко Святитель советовал ищущим спасения обращаться к его сочинениям для разрешения различных вопросов и недоумений в духовной жизни. "Пишу вам о своих книгах потому, что не знаю, где бы еще полнее изображено было все, касающееся жизни христианской. Другие писатели и лучше бы написали, но их занимали другие предметы, а не те, о которых познания ищем мы с вами"[144]. Епископ Феофан радовался, когда узнавал, что его книги читаются многими и приносят духовную пользу. "Мне всегда приятно слышать, что кто-либо читает мои книги"[145].

4. ПЕРЕПИСКА СВЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА С РАЗНЫМИ ЛИЦАМИ

Особый вид литературных трудов Преосвященного Феофана представляет его большая переписка, которую он вел со всеми, кто просил его советов, поддержки и одобрения.

Совершенно уединившись от внешнего мира телесно и затворившись в келлии скромной обители, он, однако, не прервал с миром духовной связи.

"Напротив. Кажется, для того он и удалился от мира, чтобы с высоты своего подвига яснее видеть насущные нужды и недуги нашего времени и по возможности полнее оказать необходимую помощь"[146].

28 лет затвора он отдал на служение Богу, предаваясь молитве, богомыслию и неусыпным духовно-литературным трудам на пользу ближним. Воскресив своей жизнью идеал истинного подвижника Древней Церкви и показав нетленную красоту его, Преосвященный Феофан по справедливости был ярким духовным светочем, указывающим путь современному ему обществу к истине и добру.

Со всех концов России летели в Вышенскую пустынь письма к епископу-затворнику. Нередко почта приносила их до 20—40 в день[147]. "Письма Преосвященного Феофана — это истинное сокровище, — пишет протоиерей Михаил Хитров. — Начавши читать его переписку, не скоро оторвешься от вдохновенных страниц. Какая свежесть и изящество слога, какое изумительное богатство всевозможных сравнений, какая простота и сердечность сказывается всюду в каждом письме!"[148]

Чем более вчитываешься в них, тем более познаешь необыкновенную личность Святителя. Для его писем, с одной стороны, характерны чистота, ясность мысли, какое-то неземное спокойствие и величие духа, с другой — они проникнуты беспредельной любовью к человеку, к слабостям которого Вышенский затворник всегда относился с христианскою снисходительностью, "с необыкновенно тонкою наблюдательностью и громадным талантом уразумевать причины и следствия, как бы они далеко ни были спрятаны в душе человека"[149].

К нему обращались за советом, за разрешением недоумений, у него искали утешения в скорби, облегчения в бедах как представители высшего света, так и люди из низших слоев общества. Преосвященный Феофан признавал своим долгом отвечать на всякое письмо, как бы оно ни было мало и незначительно по своему содержанию, поскольку отказ считал оскорбительным для вопрошавшего, а если и замедлял с ответом, то только потому, что другие находились в еще более затруднительном положении и нуждались в скорой помощи, причем всегда просил извинения за промедление. "Сколько провинился пред вами!!! Прошу простить и помиловать. Благодарю вас, что, несмотря на мою неисправность, вы все утешаете меня своими добрыми письмами, в которых всегда есть и приятное и поучительное"[150].

Святитель чутко улавливал духовные потребности писавшего и, не жалея своих сил, обстоятельно и сердечно разъяснял все вопросы и недоумения. Он как-то особенно умел войти в положение корреспондента, и между ними сразу устанавливалась самая близкая внутренняя, духовная связь, при которой жизненные нужды высказывались с полною искренностью и откровенностью. Это свидетельствовало о высоком духовном уровне архипастыря, ибо только человек, познавший свои страсти и победивший их, знает их действительную силу, может угадывать их и в другом человеке по малейшим признакам. В письмах Преосвященный Феофан высказывал те же положения, что и в своих сочинениях, но в более простой форме и в применении к нравственному и общественному положению адресатов.

У епископа-затворника было постоянное желание помочь ближним в деле их спасения. "Болит по ней душа моя, — писал он об одной из своих духовных дочерей, — в желании, чтоб она покрепче утвердилась во внутреннем человеке. Ибо тогда уже никакие волны не могут поколебать ее, как твердый утес!"[151] Лишь только Святитель слышал зов о помощи, он как отец, любящий чад, как "добрый пастырь", полагающий душу за овцы (Ин. 10, 11), сейчас же спешил оказать поддержку. Ни великие научные труды, ни молитвенные и аскетические подвиги не заслоняли от него нужд и скорбей грешной души.

Епископ Феофан всегда радовался при получении вести об успехах в духовной жизни ищущих спасения. Откликаясь на духовные нужды и запро-

сы людей, он спешил как можно скорее ответить всем, соответственно потребностям каждого. Он никогда никому не отказывал в совете. "Я охотно готов отвечать и помогать вам словом, сколько разума достанет"[152].

В некоторых письмах святитель Феофан дает очень подробные наставления о пути спасения, с самого момента обращения грешника до утверждения его в Боге. Он глубоко верил, что Господь Сам руководит человеком в его спасении, если он со всем усердием и ревностью стремится исполнять в своей жизни волю Божию. "Если Господу работаете, — наставляет Владыка, — то Он же наставник и руководитель. К Нему прибегайте. Излагайте всегда Ему нужду свою полно и искренно и молитесь, чтобы вразумил... и даст вразумление, и чувство поправит. То верно содержите в мысли, что мы решительно ничего Ему угодного сами произвесть не можем; все такое Он Сам в нас производит. К Нему и обращайтесь"[153].

Многим людям, чувствовавшим призвание к монашеской жизни и не связанным семейными обязанностями, Преосвященный Феофан советует поступать в монастырь, где легче можно достигнуть нравственного совершенства. От поступивших в монастырь он требует уже полного отрешения от мира и ревностного исполнения иноческих обязанностей. В одном из своих писем по этому поводу он пишет: "Желание поступить в монастырь есть доброе желание; только идя в монастырь, полагай с сердцем завет: всю душу свою единому Господу предать, все земные желания и надежды отбросивши. На дело Божие надо предать себя до смерти, т. е. хоть умереть, а не отступать от доброго"[154]. Монастырь для инока, по словам Вышенского затворника, является школой, научающей последователя Христа внутреннему духовному деланию и законам духовной жизни.

Но святитель Феофан не отрицает и жизни в миру. Он благословляет и семейную, и общественную жизнь, полагая, что человек на всяком месте может достигнуть спасения, и побуждает всех, с кем имеет дело, свято исполнять семейные и общественные обязанности, следуя во всем Божественным заповедям. "Спастись везде можно, и спасение — не от места и не от внешней обстановки, а от внутреннего настроения. Нужно только блюстись и хранить себя в (известном) чине жизни, пребывая в памяти о Боге и смерти и держа в душе всегда сокрушенное и смиренное чувство. С таким настроением и в монастыре и без монастыря спасетесь"[155]. Епископ Феофан очень заботился о людях семейных и давал им ценные советы и наставления. "Мне очень желательно знать, как тебе живется. Мне утешительно знать, что ты счастлив. Берегите с женою взаимно свою любовь. В этом — источник счастливой семейной жизни. Но надо блюсти его, чтобы не засорился"[156].

Все письма Преосвященного Феофана полны любовью ко всем людям. Своими письмами он спас многих от духовной смерти, возродил к новой жизни, направил на путь истины и указал действенные средства к нравственному усовершенствованию. И если кто хоть раз обратился со своею нравственной нуждой к подвижнику, тот уже никогда не оставлял наставника и рекомендовал его другим. Один опытный педагог, сам руководитель высшего учебного заведения, неоднократно обращавшийся к Святителю со своими житейскими скорбями, пишет: "В это время (после потери детей) измученный житейским горем и недоумением, я — немощный — ринулся со своею глубокою скорбною докукою, которой и забыть не могу, к сильным людям — людям веры Христовой, и, во-первых, к святителю Феофану. Епископ Феофан в то время уже был вне мира, в затворе, но он хорошо знал лютую скорбь житейскую и не замедлил мне ответить святительским утешительным словом. Скорби житейские и потом, по воле Божией, не оставляли меня, и я всегда обращался за утешением к епископу Феофану. То была потреба измученной души моей. Письма ко мне Святителя представляют высокий учительный интерес для всякого страждущего и обремененного христианина"[157].

5. РУКОДЕЛИЕ И МИНУТЫ ОТДЫХА

Рядом с келейной церковью епископа Феофана был его рабочий кабинет. Короткие промежутки между молитвой и умственными занятиями Преосвященный Феофан наполнял рукоделием. Являясь отдыхом от умственного напряжения, оно вместе с тем подкрепляло телесные силы, а главное — изгоняло из жизни его всякую мысль о праздности. "Нельзя все духовным заниматься, — писал он, — надо какое-либо нехлопотливое рукоделье иметь. Только браться за него надо, когда душа утомлена, ни думать, ни Богу молиться не способна"[158].

По примеру некоторых древних подвижников Святитель занимался живописью, резьбой по дереву, токарным[159] и переплетным делом, для чего в его рабочем кабинете имелось несколько ящиков с необходимыми инструментами; кроме этого, у него в келлии были фотоаппарат, телескоп и микроскоп[160]. Замечательно, что и эти предметы физического труда служили к удовлетворению "единого на потребу".

Особенно любил Святитель искусство иконописания и сам был хорошим художником. 9 октября 1889 г. он писал своим почитателям: "Преосвященный Иосиф дивится, как пишу. Да ведь это — моя отрада"[161]. Нося в душе образы иного, высшего мира, он, видимо, желал окружить себя и на земле их святыми изображениями. После смерти епископа Феофана в его келлии найдено много икон и картин священного содержания, написанных им самим: "Распятие", "Воскресение Христово", "Снятие со креста", "Спаситель в терновом венце", образ Спасителя и Божией Матери во весь рост[162], "Богоявление", образ святителя Тихона во весь рост, иконы св. Митрофана Воронежского, препп. Антония и Феодосия, св. князя Александра Невского и портрет Саровского старца Серафима[163]. Особенно часто обращался Владыка к двум иконописным сюжетам: к изображению св. Тихона Задонского и Богоявления. И это не случайно: жизнь святителя Тихона была идеалом для него, а идея Богоявления ассоциировалась с его именем — Феофан.

Вышенский затворник очень любил заниматься переплетным делом, о чем он сам сообщает 4 марта 1875 г. Н. В. Елагину: "Переплет мне нравится больше всех других рукоделий. Без работы же умрешь. Когда писать не хочется, сейчас скука. Возьмешься за работу — и все пройдет. Есть часы, которых некуда девать — именно послеобеденные"[164]. Для этого он заготовил все необходимое. "Все нужное к переплетному делу, — писал епископ Феофан, — я уже собрал. Афонцы справили. Теперь остается браться за дело"[165].

Преосвященный Феофан занимался в затворе и резьбой по дереву[166]. 25 ноября 1877 г. он писал афонскому иеромонаху Арсению: "Вот еще моя просьба! Потрудитесь поискать и найти "рисунки для резьбы на дереве". Ищите их в тех же лавках, в которых продаются рисунки и все принадлежности для выпиливания. Пожалуйста, не смешайте. Для выпиливания у меня все есть — и рисунков много. А для вырезывания инструменты есть, а рисунков нет. Вот они-то и нужны. Они не дороги. Сами выберите — листов десятка два-три. Резьбою украшаются подсвечники, рюмочки, солоночки и проч. Я точить умею, такие рисунки будут очень кстати"[167].

Однажды Святитель решил заняться игрой на музыкальных инструментах и с этой целью заказал себе фисгармонию. В одном из писем к А. Д. Т. он сообщает: "Писал я вам с неделю назад, что гуделка не едет. — Приехала, гудит добре. Все гудки дают очень приятные звуки. А какие есть аккорды — прелесть: все бы слушал. Я все один гуду. Показать некому. Всяко я не отчаиваюсь. Понемногу навыкну"[168]. 6 января 1871 г. епископ Феофан одного знакомого просит прислать руководство для обучения игре на фисгармонии. "Гуделка приехала. Спросите там у своего мастера, не скажет ли он чего в руководство"[169]. Для обучения игре на фисгармонии Преосвященный Феофан выписывает пособие и заказывает ноты различных духовных произведений.

Святитель пожелал научиться играть также на скрипке и с этой целью заказывает самоучитель игры на этом инструменте. "Будучи в Москве, — обращается он с просьбой к одной из своих духовных дочерей, — не найдете ли там какого-либо самоучителя — книги — для скрипки, дешевенького. Купите и пришлите. Мы посмотрим, можно ли самим выучиться, и если найдем, что можем, начнем учиться, чтоб вышел полный музыкальный комплект..."[170]

6. ПАТРИОТИЗМ ВЫШЕНСКОГО ПОДВИЖНИКА

Удалившись от мира, святитель Феофан не утратил интереса к судьбам мира и откликался на все важнейшие события в общественной жизни Отечества. Из политических событий того времени святителя Феофана особенно интересовала Русско-турецкая война.

В 1876 г. неизбежность этой войны стала очевидной. Епископ Феофан, по прежней своей службе на Востоке хорошо знавший печальное положение славянских народностей и Православия во владениях Турецкой империи, с живым участием следил за ходом военных событий и с глубоким удовлетворением приветствовал наступающую освободительную войну, считая ее для русских священной обязанностью. Свои мысли по этому поводу святитель Феофан высказал в трех "Письмах по восточному вопросу", написанных в период с 1 ноября 1876 по 8 ноября 1877 г., т. е. когда война только еще готовилась. Письма эти были написаны к русскому вице-консулу в Варне А. В. Рачинскому. Насколько священной для русского народа считал Владыка Феофан эту освободительную войну, видно из следующих его размышлений: "Охватившее нас воодушевление не есть ли Божие в нас действие? И, сознавая это, не должны ли мы вместе сознать, что этим движением Бог говорит нам: вам поручено освободить этих страждущих? Можем отказаться! Бог никого не нудит. Но будем ли мы безвинны, не вняв Божиим мановениям? Бог найдет и без нас исполнителей Его воли. А нам стыд, если еще не более что. Оставляющий брата сам будет оставлен в час нужный. Все такие мысли прямо ведут к решению вопроса: хочешь не хочешь, а ступай воевать, мать Русь православная"[171].

В "Письмах по Восточному вопросу" святитель Феофан указывает даже план будущего устройства Балканских государств. Он считал необходимым для славянских народностей Балканского полуострова не только гражданское самоуправление, но и независимое церковное устройство с сохранением духовного единения их с Греческой Церковью. "Я был той мысли, что обособление иерархии болгарской дает центр раздробленным болгарам, а потом и далее само собою видно, что... стряхнули бы сидящих на хребте. Можно устроить независимые королевства или княжества славянские. Можно состряпать из них федерацию Константинополь-Франкфурт... Малая Азия — особо"[172].

Во время самой войны епископ Феофан внимательно следил за ее ходом. Он глубоко сочувствовал славянам в их освободительной войне, радовался успехам. Когда настоятелю монастыря отцу Аркадию приходилось посещать Святителя в это время, то беседа всегда вращалась главным образом вокруг этого вопроса. Преосвященный развертывал атласы и карты, указывал настоящее положение наших войск, делал предположения относительно того, что́ следовало бы предпринять, какие области завоевать в ближайшем будущем, при этом всегда выражал полную уверенность в победе русских. Вышенский подвижник радовался успешному окончанию Русско-турецкой войны, внимательно сделил за ходом Берлинского конгресса, тяжело переживал его результаты. 14 июля 1878 г. он писал Н. В. Елагину: "Конгресс, видимо, не о пользах освобождаемых народов хлопотал, а все направлял к тому, чтобы унизить Россию. Но Господь знает, что́ строит! Верно так лучше, и буди благословенна воля Его"[173].

Патриотические чувства Вышенского затворника проявились и при получении известия о гибели военного корабля "Русалка". 1 ноября 1893 г. он написал Митрофану Корякину письмо, исполненное трогательных и любвеобильных утешений осиротелым семьям погибших, которые, исполняя свой "военный долг"[174] перед Родиной, внезапно перешли в потусторонний мир. "Скончавшиеся по причине крушения "Русалки" должны быть причисляемы к сонму мучеников. Я не колеблясь решаю, что как разбойник со креста прямо в рай поступил, так и они. Я желал бы, чтобы все матери и отцы, братья и сестры, и жены умерших тогда прочитали сии строки, поверили истине их и утешились. Я почитаю смерть их, в отношении ко спасению вечному, лучше смерти всех, кои в ту пору умирали, будучи окружены родными и знаемыми. — Да упокоит Господь души их в Царствии Небесном![175]

7. ХАРАКТЕРИСТИКА ТВОРЕНИЙ ЕПИСКОПА ФЕОФАНА

Святитель Феофан посвятил всю жизнь поискам пути к Вечной Жизни. В своих душеспасительных сочинениях он показал этот путь всем последующим поколениям. "Своими многочисленными вдохновенными писаниями, — говорил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий, — Преосвященный Феофан учит нас внутреннему духовному общению с Богом. Он весь погружен в человека, в указание путей его таинственного общения с Богом под сенью Церкви"[176].

Многообразны предметы писаний Вышенского затворника. Почти ни одна деталь духовной жизни не ускользнула от его глубокого, внимательного наблюдения. Но главной темой его творений является спасение во Христе. При этом, как отмечают исследователи, труды великого подвижника веры и благочестия христианского, "полные духовно-благодатного помазания... в возможной полноте и близости отражают дух учения Христова и апостольского, мысли, характер и содержание творений богопросвещенных отцов и учителей Церкви, и все направлены к указанию высшего блага, вечных целей бытия человеческого и надежного пути в Царствие Небесное"[177].

Сам перечень этих творений[178] вызывает чувство благоговения перед великим трудолюбием, большой нравственной силой, духовным опытом Святителя-затворника. "Мы имеем полное право, — пишет один из биографов епископа Феофана, — назвать его великим мудрецом христианской философии. Он в такой же степени плодотворен, как и святые отцы IV столетия"[179].

Основой для его богомудрых писаний служили почти исключительно творения восточных церковных учителей и аскетов. Эти писания с замечательной полнотой, близостью и точностью отражают дух и характер святоотеческих аскетических воззрений, которые были предметом его тщательного, всестороннего изучения и постоянного, неослабевающего внимания. Епископ Феофан был "верным и типичным продолжателем отеческой традиции в аскетике и богословии"[180]. В его сочинениях излагаются основы святоотеческой психологии, "что для богословов необыкновенно ценно и важно и за что последние всегда останутся ему благодарны"[181]. По словам профессора С. М. Зарина, знакомство Святителя с аскетической святоотеческой письменностью было "выдающимся не только по глубине, но и по широте обнятого им аскетического материала"[182].

Творения и письма Вышенского затворника — это не плод труда богослова-теоретика, а живой опыт деятельного подвижника, созидавшего свою духовную жизнь на основе Священного Писания и Священного Предания Церкви. "Мы не знаем, — пишет профессор А. Бронзов, — ни одного богослова, который до такой степени был бы проникнут библейским и святоотеческим духом, до какой последний проглядывает в каждой строке у епископа Феофана. Прямо можно сказать, что его нравоучение есть в общем библейско-отеческое. И в этом самое великое его достоинство"[183].

Как редкий и выдающийся знаток аскетической письменности, Преосвященный Феофан не только отразил ее особенности в своих творениях, но и воплотил в своей жизни, проверив истинность святоотеческих аскетических предпосылок собственным духовным опытом. "Святоотеческое аскетическое мировоззрение, прошедши через призму глубокого и тщательного изучения епископа Феофана, сделалось как бы его собственным, так что его собственное мировоззрение без всякого преувеличения можно назвать святоотеческим, — не только по общему духу и основному содержанию, но даже и по самой форме своего выражения и раскрытия"[184]. Все аскетические установки епископа Феофана пережиты им, извлечены из его собственного духовного опыта и запечатлены самобытной свежестью и глубокой жизненностью. За каждой фразой творений боговдохновенного архипастыря стоит его живой внутренний опыт и духовный подвиг.

Замечательно то, что святоотеческие взгляды не просто были поняты и усвоены святителем Феофаном, они всецело проникли в его мировоззрение, растворились в нем и составили с ним единое, неразрывное целое. "Отсюда понятно то огромное влияние, какое оказывают воззрения Святителя на тех, кто с ними знакомится"[185]. Только человек, сам переживший, сам перегоревший в горниле духовного опыта, сам причастный духовной жизни, может заговорить с людьми о духовной жизни с такой вдохновенной всепобедной силой, возбуждающей духовную энергию и порождающей готовность на духовные подвиги.

"В своих произведениях святитель Феофан, — по словам комиссии профессоров Петербургской Духовной Академии, — выступает самостоятельным глубоким православным богословом-мыслителем созерцательного направления, таким богословом, у которого богословские православные понятия глубоко проникли чрез сознание, приняли оригинальную форму и получили своеобразную систему"[186]. Сочинения епископа Феофана "дышат духом благодати, делающим слово его помазанным, проникающим прямо в сердце читателя"[187]. В них проявляется непреодолимая сила искренности и правды, глубокая сила убеждения, горячее желание спасения ближнему и вследствие этого непосредственное могучее воздействие на душу читателя. Святитель Феофан старается избегать "формалистики и схоластицизма"[188], излагая свои мысли ясно и доступно для широкого круга читателей. "Все формальные термины нашей школьной науки, — пишет Патриарх Московский и всея Руси Сергий, — в уме Преосвященного Феофана получили самый жизненный смысл и самое богатое содержание"[189]. В обширных своих творениях епископ Феофан проявляет себя как замечательный экзегет, моралист и богослов Русской Православной Церкви.

Сочинения епископа Феофана можно разделить на три отдела: нравоучительный, истолковательный и переводный. Особенно большую ценность для богословской науки представляют многочисленные печатные труды Святителя по христианской нравственности. Здесь мы можем говорить о нем не только как о великом мыслителе, но и как о богомудром подвижнике, предлагающем для руководства другим учение святых отцов и личный опыт духовной жизни. Святитель Феофан может быть назван "опытным церковным учителем христианской нравственности, выносившим свои мысли и убеждения в глубине своей души"[190]. В своих нравоучительных произведениях Преосвященный Феофан изобразил идеал истинной христианской жизни и пути, ведущие к его достижению. По словам профессора протоиерея Георгия Флоровского, епископ Феофан "не строил системы ни догматической, ни нравоучительной. Он хотел только очертить образ христианской жизни, показать направление духовного пути, и в этом его несравненное историческое значение"[191]. Обозревая душевные и духовные способности человека, Святитель глубоко проникает в его внутренний мир. Это рассмотрение отличается вместе с тем замечательной силой и широтой самонаблюдения. "Автор как бы спускается в темные переплетающиеся лабиринты духа и, несмот-

ря на слабый свет лампады, везде успевает отличать в них очень тонкие проявления нравственного начала"[192]. По словам профессора ЛДА Георгия Миролюбова, "широта и глубина знаний епископа Феофана поражает читателя его творений: о духовной жизни он пишет как исследователь-естествоиспытатель"[193].

Среди творений епископа Феофана мы почти не встречаем трудов, носящих сугубо догматический характер, но поскольку нравственное учение христианства стоит в неразрывной связи с христианскими догматами, то и в трудах Преосвященного Феофана в самых разных местах мы находим раскрытие и догматического учения. Особенностью раскрытия Святителем проблем христианской догматики является четкость воззрений на самые трудные и ключевые пункты этой богословской науки. По свидетельству упомянутой комиссии профессоров Петербургской Духовной Академии, в трудах епископа Феофана "некоторые пункты догматического учения нашли не только полное и основательное раскрытие, но и такие формулы, каких православная отечественная догматика до этого не имела. В особенности это нужно сказать относительно истин: участия всех Лиц Святой Троицы в различных моментах нашего спасения с преимущественным преобладанием одного из Лиц Святой Троицы в том или другом моменте нашего спасения"[194].

Одним из важнейших дел жизненного подвига Преосвященного Феофана являются его замечательные труды по изъяснению слова Божия, которые представляют собой ценный вклад в русскую библеистику. Епископ Феофан считается одним из выдающихся экзегетов своего времени, а его истолковательные труды, по словам профессора Московской Духовной Академии П. С. Казанского, являются "великим подарком для Православной Церкви"[195]. "Внимательный читатель находит в них не только все нужное для полного и ясного понимания священного текста, но вместе с тем и глубоко продуманное и прочувствованное разъяснение множества разного рода догматических, в особенности же нравственных, христианских истин, понятий, вопросов"[196].

В тесной связи со всеми трудами епископа Феофана в области богословия стоит его переводческая деятельность. Свой духовный опыт он обогащал не только своими внутренними переживаниями, но и активным вниманием к опыту древних аскетов, описание которого его особенно интересовало. Важнейшей из переводных работ Святителя является "Добротолюбие", посвященное главным образом духовной жизни первоначальников и великих учителей древнего христианского аскетизма. "Добротолюбие" в полном своем составе представляет собой широкое, всестороннее изображение и истолкование различных явлений духовной жизни — от самых простых и безыскусственных наблюдений и до высочайших, вдохновенных созерцаний, запечатленных необыкновенной глубиной психологического проникновения во внутренний мир человека. "Добротолюбие" было любимой книгой в русских церковных кругах, особенно в монастырях; оно имело широкое значение как масштабное выражение учения о христианской жизни. Оно формировало воззрение в области духовной жизни и благочестия и одновременно представляло собой своего рода учение, употреблявшееся и рекомендовавшееся старцами[197].

Особый вид литературных трудов Преосвященного Феофана представляют его многочисленные письма, которыми он обменивался со всеми, кто просил его советов, поддержки и одобрения. Через свои одухотворенные письма Святитель "обильно проливал лучи света Божественного на грешный мир"[198]. Эти письма, несомненно, имели важное значение для получавших их, были истинным руководством в их нравственной жизни и служили великой отрадой и духовным утешением для многих душ в тяжелые, скорбные для них минуты. Письма архипастыря, являясь истинным духовным сокровищем, важны еще тем, что в них обрисовывается его личность как учителя

Церкви Христовой. Содержание его писем крайне разнообразно, но основной тон их — нравоучительный. Они, как и книги, содержат ответы на один и тот же великий вопрос — вопрос о пути ко спасению. "Лучшее употребление дара писать, — говорит епископ Феофан, — есть обращение его на вразумление и пробуждение грешников от усыпления"[199]. Многие ревностные иноки, представители русской интеллигенции и простого глубокорелигиозного народа, составляли большую духовную семью богомудрого архипастыря. Лучшие современники видели в нем истинного светильника христианства и всей душой стремились иметь с ним духовное общение, которое реализовали преимущественно в переписке.

Все произведения Преосвященного Феофана преисполнены благодатью Христовой, духовной силы, искренности и глубокой веры, горячего желания спасения всякому человеку. "Глубокий и неиссякаемый кладезь мудрости духовной представлял собой епископ Феофан, кладезь, из которого черпали и долго еще будут черпать люди, жаждущие религиозно-нравственного образования и просвещения в духе Православной Церкви"[200]. Поистине реки богомудрых учений и потоки воды живой Христова учения истекли из сердца и ума святителя Феофана. Это нетленное драгоценное наследие оставлено им сынам Церкви Православной. "Из вдохновенных страниц творений святителя Божия, дошедшего в своем духовном совершенстве до недосягаемых почти вершин духа, каждый может почерпнуть бесконечно много для души и сердца... Залежи драгоценностей для того и созданы, чтобы их добывать и ими пользоваться"[201].

В творениях Святителя-затворника для каждого возраста духовного, для каждой степени образования есть своя духовная пища, своя наука, свое доступное учение, начиная от млека до твердой пищи, от азбуки духовной жизни до высшей мудрости духовной, доступной уже только совершенным[202]. "Невозможно было бы передать все содержание нравоучительных писаний Преосвященного Феофана. Это может сделать только тот, кто сам прошел всю школу духовного воспитания и роста, кто пережил все сам в себе — выносил, прочувствовал, сделал родным для себя путь нравственного возрастания"[203].

Творения Святителя-затворника имеют исключительно важное значение в истории нашего богословия. Недаром они именуются "путеводной звездой для всех тружеников богословской науки и истинной христианской жизни"[204]. Они являются неоценимым сокровищем русской православно-религиозной литературы и должны стать "настольными книгами для каждого желающего идти по пути спасения, в Жизнь Вечную"[205].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Шабатин И. Н., проф.* Епископ Феофан Затворник и его духовное наследие. — ЖМП, 1948, май, с. 44.

[2] *Хитров М. И., прот.* Преосвященный Феофан, Затворник Вышенский. 2-е изд. М., 1905, с. 50.

[3] *Корсунский И. Н.* Преосвященнейший епископ Феофан, бывший Владимирский и Суздальский. М., 1895, с. 165—166.

[4] "Стены деревянные, без обоев, несколько потемневшие от времени. Мебель и всё прочее — всё простое и ветхое: шкаф с угольником из простого дерева, комод, стол простой, складной аналой, кровать складная, диван из березового дерева с железными сидениями и всё прочее — простое и дешевое, и как поначалу было сделано, так и осталось до кончины Святителя" (*Корсунский И. Н.* Указ. соч., с. 166; *Смирнов П. А.* Жизнь и учение Преосвященного Феофана, Вышенского затворника. 2-е изд. М., 1915, с. 105).

[5] "Тамбовской епархиею, к которой принадлежит Вышенская пустынь, за 1866—1894 годы управляли следующие епископы: Феодосий Шаповаленко (1866—1873); Палладий Раев

(1873—1876); Палладий Ганкович (1876—1885); Виталий Иосифов (1885—1890) и Иероним Экземплярский (1890—1894)" (*Корсунский И. Н.* Указ. соч. с. 248).

[6] *Рыбинский В. П.* Памяти Преосвященного Феофана, епископа Владимирского и Суздальского. — ТКДА, 1894, т. 1, март, с. 427.

[7] "Вышенская пустынь лежит вдали от больших и шумных центров городской жизни, расположена среди прекрасной лесной природы, при слиянии двух рек — Цны и Выши, из которых первая довольно значительна и судоходна. В летнее время окружающий воздух пропитан благоуханием смолы и всегда полон таинственного шума могучего, векового бора. Славу и драгоценность обители составляет чудотворная икона Казанской Божией Матери, принесенная в дар монахинею Московского монастыря Мироннею. Обитель находится в 25 верстах от уездного города Шацка Тамбовской губернии" (*Смирнов П. А.* Указ. соч., с. 104—105).

[8] "Архимандрит Аркадий (Чесноков) скончался 1 ноября 1907 года, оставив по себе светлую память как ревнитель церковноприходских школ, пожертвовавший на устройство их свыше ста тысяч, и как высокой жизни человек" (*Депутатов Н.* Ревнитель благочестия XIX века епископ Феофан Затворник. Харбин, 1938. Типография Св.-Троицкого монастыря. Джорданвилль, 1971, с. 18).

[9] Собрание писем святителя Феофана. Вып. 5. М., 1899, с. 153.

[10] Там же. Вып. 4. М., 1899, с. 35.

[11] Там же. Вып. 8. М., 1902, с. 5.

[12] Воспоминания Вышенского инока о Преосвященном Феофане. — Прибавление к Церковным ведомостям, 1894, март, № 10, с. 328.

[13] Игумен Тихон (Ципляковский, † 1896).

[14] Воспоминания Вышенского инока о Преосвященном Феофане. — Тамбовские епархиальные ведомости, с. 112.

[15] *Крутиков И. А.* Святитель Феофан, затворник и подвижник Вышенской пустыни. — Душеполезное чтение, 1898, ч. 3, с. 782.

[16] Собрание писем святителя Феофана. Вып. 7. М., 1900, с. 39—40.

[17] Там же. Вып. 3. М., 1898, с. 41.

[18] *Смирнов П. А.* Указ. соч., с. 151.

[19] Некоторое время духовником епископа Феофана был отец Иосиф, о чем сообщает сам Святитель в своих письмах. "Мой духовник о. Иосиф. Возьмите его. — Он старец сильной веры, но без всяких мудрований" (Собрание писем святителя Феофана, вып. 8, с. 222).

[20] Собрание писем святителя Феофана, вып. 3, с. 22.

[21] Там же. Вып. 1. М., 1898, с. 37.

[22] *Архимандрит Аркадий*, настоятель Вышенской пустыни. Тамбов, 1909, с. 90.

[23] *Хитров М. И.*, прот. Указ. соч., с. 205—206.

[24] *Соколов П., прот.* Слово при погребении епископа Феофана. — В кн.: Хитров М. И., прот. Указ. соч., с. 207.

[25] *Рыбинский В. П.* Указ. соч., с. 429.

[26] *Епископ Феофан.* Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни. М., 1892, с. 299.

[27] Там же, с. 433.

[28] *Корсунский И. Н.* Указ. соч., с. 185—186.

[29] Письма епископа Феофана к Н. И. К. — Душеполезное чтение, 1908, ч. 2, с. 261.

[30] Собрание писем святителя Феофана, вып. 5, с. 15.

[31] Там же, вып. 7, с. 35.

[32] *Корсунский И. Н.* Указ. соч., с. 186.

[33] Собрание писем святителя Феофана. Вып. 2. М., 1898, с. 11.

[34] Митрополит С.-Петербургский.

[35] *Корсунский И. Н.* Указ. соч., с. 118.

[36] Отец Антипа (Чеховской) — соборный старец.

[37] Собрание писем святителя Феофана, вып. 2, с. 20.

[38] Там же. Вып. 7. М., 1900, с. 44, 49.

[39] "В алтаре, близ жертвенника, на стене можно видеть висящий мешочек, весь наполненный записочками к преосвященному с просьбами помянуть в своих молитвах у Престола Божия" (В келлии Затворника. — Душеполезное чтение, 1894, ч. 1, с. 700).

[40] Воспоминания Вышенского инока о Преосвященном Феофане, с. 114.

[41] Там же.

[42] *Смирнов П. А.* Указ. соч., с. 160.

[43] *Крутиков И. А.* Преосвященный Феофан, затворник и подвижник Вышенской пустыни. М., 1895, с. 132.

[44] *Крутиков И. А.* Указ. соч. — Душеполезное чтение, 1899, ч. 1, с. 620.

[45] Приготовление к затвору и затворническая жизнь Преосвященного Феофана. — Душеполезное чтение, 1894, ч. 2, с. 538.

[46] В келлии Затворника. — Душеполезное чтение, 1894, ч. 1, с. 699.

[47] *Епископ Феофан.* Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? 6-е изд. М., 1914, с. 251—252.

[48] *Ян Прышмонт.* Епископ Феофан — русский православный писатель по нравственному богословию. — Богословские труды. Варшава, 1978, с. 211—229. На нем. яз.

[49] *Корсунский И. Н.* Указ. соч., с. 204.

[50] Святитель Феофан "хорошо понимал математические науки и занимался естественными науками, потому основательно знал арифметику и географию и свободно чертил географические карты" (*Крутиков И.* Указ. соч., с. 28).

[51] Собрание писем святителя Феофана, вып. 2, с. 11.

[52] *Бронзов А., проф.* Отзыв на кн.: *Смирнов П. А.* Жизнь и учение Преосвященного Феофана, Вышенского затворника. Шацк, 1905. — Странник, 1905, т. 2, с. 593.

[53] *Епископ Феофан.* О совершенном обращении к Богу от прелестей мира и греха. 1-е изд. М., 1887, с. 50.

[54] Тамбовские епархиальные ведомости, 1867, № 12—15, 18. Эти Слова в 1881 г. были собраны в отдельную брошюру под заглавием "О Православии с предостережениями от погрешений против него". М., 1881.

[55] Тамбовские епархиальные ведомости, 1867, № 19—23; 1868, № 1—3. И отдельно: Тамбов, 1868; М., 1891. 210 с. В 1869 г. статья была дополнена и исправлена автором и под заглавием "Душа и тело не есть нечто телесное, а чистый дух" напечатана в "Домашней беседе" (вып. 1—21).

[56] 1-е изд. СПб., 1868, вып. 1. 112 с.; вып. 2. 121 с.; вып. 3. 164 с.; 2-е изд. СПб., 1869, вып. 1. 112 с.; вып. 2. 121 с.; вып. 3. 164 с. И отдельно: 3-е изд. СПб., 1875, 303 с. (*А. Н.* Отзыв на "Путь ко спасению" епископа Феофана. — Душеполезный собеседник, 1909, январь, с. 22—23).

[57] Домашняя беседа, 1868, вып. 9—15.

[58] Там же, вып. 22—47.

[59] Собрание писем святителя Феофана, вып. 1, с. 222.

[60] *Архангельский Н. П.* Задача, содержание и план системы православно-христианского нравоучения. Симбирск, 1894, с. 18.

[61] О Покаянии, Причащении Святых Христовых Таин и исправлении жизни. Слова Преосвященного Феофана во святую Четыредесятницу и приготовительные к ней недели. 3-е изд. М., 1889, с. 287. (Отзыв на книгу см.: Душеполезный собеседник, 1909, июнь, с. 182—183.)

[62] Домашняя беседа, 1868, вып. 48—50.

[63] Тамбовские епархиальные ведомости, 1869, № 1—12. И отдельно: Тридцать третий псалом. 1-е изд. М., 1871. 110 с.

[64] Домашняя беседа, 1869, вып. 2—16. То же в книге: Что потребно покаявшемуся и вступившему на добрый путь спасения. 1-е изд. М., 1882. 115 с.

[65] Домашняя беседа, 1869, вып. 9, с. 213; вып. 22, с. 561.

[66] Эти мысли были изданы отдельной книгой под заглавием "Мысли на каждый день года по церковным чтениям из слова Божия" (М., 1881, 487 с.).

[67] Домашняя беседа, 1870, № 33—51; 1871, № 2—10. И отдельно: СПб., 1872. 292 с.

[68] *Архангельский Н. П.* Указ. соч., с. 38.

[69] *Епископ Феофан.* Что есть духовная жизнь..., с. 167.

[70] Домашняя беседа, 1870, вып. 5—32.

[71] Тамбовские епархиальные ведомости, 1871, № 5, с. 278—302. Отдельно: Тамбов, 1871. 25 с.

[72] М., 1882. 94 с.

[73] У епископа Феофана было намерение написать толкование и на Послания святого апостола Петра, о чем он сообщает в одном из писем: "Я начал толковать первое Послание Петрово. Туго идет. — Очень осязательно, что это — не проповеди писать" (Письма епископа Феофана. — Христианин, 1910, декабрь, с. 770).

[74] Душеполезное чтение, 1873, ч. 1—3.

[75] Там же, ч. 3; 1874, ч. 1—3; 1875, ч. 1. И отдельно: М., 1875. 428 с.

[76] ЧОЛДП, 1874, июнь, сентябрь, ноябрь, декабрь. И отдельно: СПб., 1877. 546 с.

[77] Домашняя беседа, 1874, вып. 1—50; 1875, вып. 1—48; 1876, вып. 2—52; 1877, вып. 2—37. И отдельно: СПб., 1877. 546 с.

[78] *Епископ Феофан.* Псалом стоосьмнадцатый. 2-е изд. М., 1891.

[79] Собрание писем святителя Феофана, вып. 3, с. 161.

[80] Душеполезное чтение, 1875, ч. 2, 3; 1876, ч. 1—3. И отдельно: М., 1876. 564 с.

[81] Душеполезное чтение, 1877, ч. 1—3. Отд. изд.: М., 1878. 448 с.

[82] Письма Преосвященного Феофана Затворника. — Христианин, 1910, февраль, с. 424.

[83] Душеполезное чтение, 1880, ч. 1—3. И отдельно: Толкование Посланий святого апостола Павла к Колоссянам и к Филимону. 1-е изд. М., 1880.

[84] Душеполезное чтение, 1880, ч. 3, с. 75—81.

[85] Там же, 1880, ч. 3; 1881, ч. 1.

[86] Там же, 1881, ч. 2, 3; 1882, ч. 1.

[87] Там же, 1882, ч. 1—3. И отдельно: Толкование пастырских Посланий святого апостола Павла. 1-е изд. М., 1882.

[88] Душеполезное чтение, 1895, ч. 3; 1896, ч. 1. И отдельно: О Послании апостола Павла к Евреям. М., 1896. 37 с.

[89] Протоиерей Михаил Хитров дает сведения, что "в келлии епископа Феофана найдены рукописи "Толкования на Послание апостола Павла к Евреям" (*Хитров М., прот.* Указ. соч., с. 200).

[90] Письма Преосвященного Феофана Затворника. — Христианин, 1909, декабрь, с. 895.

[91] Собрание писем святителя Феофана, вып. 1, с. 129.

[92] Письма Преосвященного Феофана Затворника к Афонцам. — Душеполезное чтение, 1894, ч. 3, с. 106—122.

[93] Собрание писем святителя Феофана, вып. 3, с. 43.

[94] Рец.: Богословский библиографический листок, 1886, вып. 1, с. 18—22; 1900, вып. 1, с. 5—7; ЧОЛДП, 1886, ч. 2, с. 330—357.

[95] Тамбовские епархиальные ведомости, 1873, № 18—24; 1874, № 1—5. И отдельно: Святой Антоний Великий. 1-е изд. М., 1883.

[96] Собрание писем святителя Феофана. Вып. 6. М., 1899, с. 142—143.

[97] Письма епископа Феофана к протоиерею В. П. Нечаеву. — Душеполезное чтение, 1910, ч. 1, с. 114.

[98] Душеполезное чтение, 1875, ч. 3, с. 342—352.

[99] Домашняя беседа, 1876, вып. 20—23. Отдельно: О нашем долге держаться перевода 70-ти толковников. М., 1876. 19 с.

[100] Церковный вестник, 1876, № 19, с. 1—4.

[101] Там же, 1876, № 23, с. 1—5; Домашняя беседа, 1876, вып. 28, с. 699—709.

[102] Письма Преосвященного Феофана Затворника к Афонцам, с. 113—115.

[103] Собрание писем святителя Феофана. Вып. 7. М., 1900, с. 3.

[104] Там же, вып. 1, с. 90.

[105] Тамбовские епархиальные ведомости, 1877, № 3—20; 1878, № 3—13, 15—22; 1879, № 2—8.

[106] Святоотеческие наставления о молитве и трезвении или внимании в сердце к Богу и истолкование Молитвы Господней словами святых отцов. 1-е изд. М., 1881; Истолкование Молитвы Господней словами святых отцов. М., 1896; Отзыв о святоотеческих наставлениях о молитве и трезвении епископа Феофана. — Душеполезный собеседник, 1909, июнь, вып. 6, с. 183—184.

[107] Собрание писем святителя Феофана, вып. 4, с. 111.

[108] Там же, вып. 3, с. 50.

[109] Душеполезное чтение, 1877, ч. 1—3; 1878, ч. 1—3; 1879, ч. 1—3; 1880, ч. 1—3; 1881, ч. 1—3. И отдельно: 1-е изд., вып. 1. М., 1879; вып. 2. М., 1882. Впоследствии на основе

"Слов" преподобного Симеона Нового Богослова издана брошюра под заглавием "О трех образах внимания и молитвы" (М., 1893).

110 Собрание писем святителя Феофана, вып. 3, с. 223.

111 Там же. 1-е изд. М., 1878; *Е. Н.* Отзыв на "Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться?". — Душеполезный собеседник, 1915, июль, с. 258—259.

112 Собрание писем святителя Феофана, вып. 6, с. 22.

113 Там же, вып. 1, с. 95; вып. 2, с. 17.

114 Душеполезное чтение, 1880, ч. 2; 1881, ч. 1. Отдельно: СПб., 1881. 148 с. (Последующие издания вошли в состав "Писем к разным лицам о разных предметах веры и жизни").

115 Душеполезное чтение, 1880, ч. 1—2; 1881, ч. 1—3. И отдельно: 1-е изд. М., 1882. 432 с.

116 Из "Писем к разным лицам о разных предметах веры и жизни" были составлены и вышли отдельным изданием брошюры под заглавиями: 1) Первые благовестницы о воскресении Господа. М., 1892. 24 с.; 2) О вечности мучений. М., 1892; 3) Примеры записывания добрых мыслей, приходящих во время богомыслия и молитвы, числом 162. М., 1892. 41 с.; 4) Воскресный день. Хождение жен-мироносиц ко гробу Господню. М., 1900.

117 Собрание писем святителя Феофана, вып. 1, с. 140.

118 Впоследствии была издана выборка из второго тома "Добротолюбия" под заглавием "Изречения святых отцов об охранении души и тела в чистоте целомудрия против искушения блудной страсти". 1-е изд. М., 1893.

119 Собрание писем святителя Феофана, вып. 4, с. 155.

120 "С Афона прислали "Невидимую брань" Никодима Агиорита, — писал Владыка 10 января 1885 г. Н. В. Елагину, — предлагая перевесть. Пробежал. Идет. Можно перевесть" (Собрание писем святителя Феофана. Вып. 7. М., 1900, с. 182—183). "Афонцы возложили на меня послушание переложить на русский язык "Невидимую брань', — сообщал Святитель. — Прелагаю понемногу. Книга аскетического свойства (Собрание писем святителя Феофана, вып. 3, с. 83. Отзыв на "Невидимую брань" см.: 1913, февраль, вып. 2, с. 67—68).

121 Собрание писем святителя Феофана, вып. 7, с. 192.

122 Там же, вып. 6, с. 117.

123 Там же, вып. 2, с. 138. Впоследствии были сделаны извлечения из этого переводного труда и вышли под заглавием: "Как научиться?" (1-е изд. М., 1887. 32 с.).

124 Письма Преосвященного Феофана Затворника. — Христианин, 1909, декабрь, с. 898—899.

125 Собрание писем святителя Феофана, вып. 7, с. 213.

126 Там же, вып. 6, с. 158.

127 Там же. 1-е изд. М., 1889. 653 с.

128 Там же, вып. 7, с. 228.

129 Изд. 1-е. М., 1890. 521 с. Из материала, вошедшего в 5-й том "Добротолюбия", впоследствии было издано сочинение под заглавием "Каллист патриарх и его сподвижник Игнатий Ксанфопулы. Наставления для безмолвствующих" (М., 1890. 134 с.).

130 Собрание писем святителя Феофана, вып. 4, с. 119.

131 Там же, вып. 7, с. 253—254.

132 Письма Преосвященного Феофана Затворника. — Христианин, 1909, декабрь, с. 904; Собрание писем святителя Феофана, вып. 7, с. 219—220.

133 Рецензию на "Сборник аскетических писаний, извлеченных из патериков обители святого Саввы Освященного, что близ Иерусалима" см.: Душеполезный собеседник, 1908, июнь, с. 174—175.

134 Рецензию Учебного комитета на "Начертание христианского нравоучения" см.: Церковные ведомости, 1891, № 22, с. 731.

135 *Корсунский И. Н.* Указ. соч., с. 245.

136 Собрание писем святителя Феофана, вып. 3, с. 236.

137 М., 1892, 653 с.

138 Собрание писем святителя Феофана, вып. 7, с. 255—256.

139 Там же, вып. 2, с. 162.

140 Там же, вып. 7, с. 256.

141 После кончины Святителя были изданы следующие его сочинения: 1) Краткое учение о богопочитании. М., 1896. 68 с.; 2) Наставление о преуспеянии в христианской жизни. М., 1896. 30 с.; 3) Слова инока Антиоха. — Душеполезный собеседник, 1899, вып. 2, 3, 8; 1900,

вып. 9; 1902, вып. 2; 4) Избранные песнопения из Октоиха. — Душеполезный собеседник, 1900, вып. 2, 3, 7; 1901, вып. 2, 3, 11; 1902, вып. 2—3; 1903, вып. 1, 2, 6, 8, 10, 11; 1904, вып. 2, 7, 8, 10; 1905, вып. 10, 11; 1906, вып. 10; 5) Мысли и изречения святых подвижников. — Душеполезный собеседник, 1909, вып. 5, 7, 10, 11; 1910, вып. 1, 4, 5, 7, 10, 11; 1911, вып. 2, 6, 7, 10; 1912, вып. 3, 7, 9; 1913, вып. 10; 6) Патерик. — Душеполезный собеседник, 1915, вып. 2—6, 8, 9, 11, 12; 1916, вып. 1.

142 Собрание писем святителя Феофана, вып. 1, с. 222.

143 Там же, вып. 7, с. 50.

144 Там же, вып. 3, с. 20.

145 Письма епископа Феофана к Валаамскому схимонаху Агапию. — Полтавские епархиальные ведомости, 1905, № 7, с. 207.

146 *Смирнов П. А.* Указ. соч., с. 7.

147 Из ответов на эти письма были с течением времени составлены целые сборники и изданы святителем Феофаном под заглавием: 1) Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? М., 1878; 2) Письма о духовной жизни. М., 1882; 3) Письма о христианской жизни. М., 1880; 4) Письма к одному лицу в С.-Петербург по поводу появления там нового учителя веры. СПб., 1881; 5) Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни. М., 1882; 6) Ответы епископа Феофана, затворника Вышенской пустыни, на вопросы инока относительно различных деланий монашеской жизни. Тамбов, 1894. После кончины святителя Феофана его письма были напечатаны в различных духовных журналах, а многие из них были собраны афонскими иноками и изданы в восьми выпусках под заглавием "Собрание писем святителя Феофана". М., 1898—1901. В 1973 г. были собраны еще 422 письма Преосвященного Феофана, находившиеся в различных журналах, в архивах МДА и не вошедшие в "Собрание писем святителя Феофана". Эти письма помещены в Приложении к кандидатскому сочинению иеромонаха Георгия (Тертышникова) "Гомилетический элемент в эпистолярном наследии епископа Феофана Затворника". МДА, 1973 (рукопись).

148 *Хитров М. И., прот.* Указ. соч., с. 46.

149 Богословский библиографический листок, 1898, вып. 5, май, с. 127.

150 Собрание писем святителя Феофана, вып. 4, с. 36.

151 Там же, вып. 2, с. 209—210.

152 Там же, вып. 1, с. 110.

153 Там же, вып. 5, с. 34.

154 Там же, вып. 1, с. 38.

155 Там же, вып. 3, с. 8—9.

156 Там же, вып. 1, с. 170.

157 *Дубасов И. И.* Памяти святителя Феофана. — Тамбовские епархиальные ведомости, 1894, октябрь, № 43, с. 872.

158 Приготовление к затвору... — Душеполезное чтение, 1894, ч. 2, с. 538.

159 "Отлично он умел выпиливать, вырезывать из дерева, был знаком со столярной и токарной работой" (*Л.* Поездка в Вышу. — Душеполезный собеседник, 1904, январь, с. 15).

160 В келлии Затворника. — Душеполезное чтение, 1894, ч. 1, с. 698.

161 Собрание писем святителя Феофана, вып. 3, с. 89.

162 Святитель написал копию Казанской иконы Божией Матери, о чем он сообщает в своем письме от 17 октября 1876 г.: "Мне очень приятно слышать, что писанная мною копия Казанской иконы Божией Матери нравится. Я старался, чтобы она, сколько можно, походила на настоящую" (Собрание писем святителя Феофана, вып. 3, с. 49).

163 "Масса икон не только в его келлиях, но и в соборе написаны были кистью Святителя. Дивное, неземное выражение во всех святых ликах" (*Л.* Поездка на Вышу. — Душеполезный собеседник, 1904, январь, с. 14).

164 Собрание писем святителя Феофана, вып. 7, с. 54.

165 Письма епископа Феофана к Н. И. К. — Душеполезное чтение, 1903, ч. 3, с. 641.

166 В келлии Вышенского затворника после его кончины были найдены "деревянная резная панагия, с деревянной цепью, деревянный резной крест для ношения на груди"(*Корсунский И. Н.* Указ. соч., с. 182; Душеполезное чтение, 1894, № 4, с. 698, 700).

167 Собрание писем святителя Феофана, вып. 1, с. 95.

168 Письма епископа Феофана к А. Д. Т. — Душеполезное чтение, 1903, ч. 1, с. 589.

169 Письма Преосвященного Феофана — Христианин, 1910, март, с. 639.

[170] Письма епископа Феофана к Н. И. К. — Душеполезное чтение, 1903, ч. 2, с. 591—592.

[171] *Епископ Феофан.* Три письма по Восточному вопросу. — Православное обозрение, 1877, ч. 1, март, с. 607.

[172] Там же, с. 603.

[173] Собрание писем святителя Феофана, вып. 7, с. 112—113.

[174] Там же, вып. 1, с. 256.

[175] Там же, с. 257.

[176] Речь Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия на Филаретовском вечере в МДА. — ЖМП, 1964, № 2, с. 12—16.

[177] Речь Преосвященного Никандра, епископа Нарвского, произнесенная на торжественном собрании членов Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви в память епископа Феофана. — Прибавление к Церковным ведомостям, 1894, февраль, № 8, с. 253.

[178] См. этот перечень в статье иеромонаха Георгия (Тертышникова) "Богословское наследие епископа Феофана". — Богословские труды. М., 1976, сб. 16, с. 202—222.

[179] *Депутатов Н.* Указ. соч., с. 9.

[180] *Флоровский Георгий, прот.* Пути русского богословия. Париж, 1939, с. 395.

[181] Там же, с. 261.

[182] *Зарин Сергей.* Аскетизм по православно-христианскому учению. Т. I. Основоположительный. Кн. 1. Критический обзор важнейшей литературы вопроса. СПб., 1907, с. 5.

[183] *Бронзов А. А.* Нравственное богословие в России в течение XIX столетия. СПб., 1901, с. 261.

[184] *Зарин Сергей.* Указ. соч., с. 5.

[185] *Бронзов А. А.* Указ. соч., с. 261.

[186] Дело "О возведении Преосвященного Феофана, бывшего епископа Владимирского, на степень доктора богословия". — ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 171, ед. хр. 311, л. 2.

[187] *Архангельский Н. П.* Указ. соч., с. 54.

[188] *Корсунский И. Н.* Указ. соч., с. 275.

[189] *Архимандрит Сергий.* Православное учение о спасении. Опыт раскрытия нравственно-субъективной стороны спасения на основании Священного Писания и творений святоотеческих. М., 1895, с. 196.

[190] *Титлов Б.* Епископ Феофан. — В кн.: Русский библиографический словарь, издаваемый Русским историческим обществом. СПб., 1913, с. 393.

[191] *Флоровский Георгий, прот.* Указ. соч., с. 400.

[192] Дело "О возведении Преосвященного Феофана... на степень доктора богословия", л. 4.

[193] *Миролюбов Г., проф.* Епископ Феофан Затворник и проблемы духовной жизни. — ЖМП, 1973, № 3, с. 67.

[194] Дело "О возведении Преосвященного Феофана... на степень доктора богословия", л. 5.

[195] У Троицы в Академии. 1814—1914 гг.: Юбилейный сборник исторических материалов. Издание бывших выпускников Московской Духовной Академии. М., 1914, с. 581.

[196] Дело "О возведении Преосвященного Феофана... на степень доктора богословия", л. 6.

[197] *Ян Прышмонт.* Указ. соч., с. 221.

[198] Некролог о епископе Феофане. — Странник, 1894, т. I, с. 593.

[199] *Епископ Феофан.* Путь ко спасению, с. 27.

[200] Московские епархиальные ведомости, 1894, № 5, с. 74.

[201] *Козубовский С., свящ.* Божий светоч. — Душеполезный собеседник, 1909, июнь, с. 206.

[202] *Хитров М. И., прот.* Указ. соч., с. 224.

[203] Преосвященный Феофан, бывший епископ Владимирский, как нравоучитель. — Русский паломник, 1894, январь, с. 50.

[204] *Хитров М. И., прот.* Указ. соч., с. 206.

[205] *Архангельский Н. П.* Указ. соч., с. 55.